

Лемони Сникет

ТРИДЦАТЬ ТРИ НЕСЧАСТЬЯ

Том 2

Небывалые неприятности

Книги Лемони Сникета стали второй по популярности детской серией, уступившей первенство лишь саге о Гарри Поттере.

The New York Times

Лемони Сникет

**Тридцать три несчастья. Том
2. Небывалые неприятности**

«Азбука-Аттикус»

2000-2001

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

Сникет Л.

Тридцать три несчастья. Том 2. Небывалые неприятности /
Л. Сникет — «Азбука-Аттикус», 2000-2001

ISBN 978-5-389-16789-6

Дорогой читатель, под обложкой этой книги ты не найдешь ни одной радостной истории! Ведь так полюбившихся тебе героев Вайолет, Клауса и Солнышко Бодлер вновь ждут одни неприятности. Жестокий Граф Олаф неустанно следует за детьми по пятам, всячески отравляя их существование. На этот раз он похищает Айседору и Дункана Квегмайр, с которыми сироты подружились в интернате. Ярких красок в жизнь Бодлеров не добавляет и переезд к новым опекунам, ведь коварный Граф Олаф, прихватив с собой пленников, уже подкарауливает детей на новом месте. Мрачные юмористические истории о приключениях детей Бодлер стали настолько популярны во всем мире, что легли в основу фильма «Лемони Сникет. 33 несчастья», в котором сыграли Джим Керри, Джуд Лоу и Мэрил Стрип. Совсем недавно компанией «Netflix» был снят и одноименный сериал. Главные роли в нем исполнили Нил Патрик Харрис, Малина Вайсман и Луи Хайнс. Третий сезон мрачной истории вышел в январе 2019 года. Во второй том «Небывалые неприятности» вошли три повести цикла: «Изуверский интернат», «Липовый лифт» и «Гадкий городишко».

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16789-6

© Сникет Л., 2000-2001

© Азбука-Аттикус, 2000-2001

Содержание

Изуверский интернат	7
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	40
Глава восьмая	46
Глава девятая	49
Глава десятая	55
Глава одиннадцатая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лемони Сникет
Тридцать три несчастья. Том
2. Небывалые неприятности

Изуверский интернат

*Посвящается Беатрис
Ты навсегда останешься в моем сердце,
в моей памяти —
и в своей могиле*

Дорогой читатель,
если вы ждете рассказа о жизнерадостных ребятах, которые весело проводят время в интернате, то обращайтесь за этим куда-нибудь еще. Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер – дети умные и находчивые, и можно было бы подумать, что в школе у них все пойдет хорошо. Но нет. Школа для Бодлеров обернулась еще одним горестным эпизодом в их несчастливой жизни.

Если быть точным: на протяжении всех глав, составляющих эту ужасную повесть, дети имеют дело с крабами, щелкающими острыми клешнями, с жестокими наказаниями, капающей плесенью, общеобразовательными экзаменами, скрипичными концертами, ОСПА и метрической системой.

Я считаю своим священным долгом не спать ночами, расследуя и описывая историю трех незадачливых детей, но вам ничто не мешает вести более приятный образ жизни и ночью крепко спать. Но тогда надо выбрать для чтения другую книгу.

*Со всем подобающим почтением,
Лемони Сникет*

Глава первая

Если бы вам довелось награждать золотой медалью какого-то наименее симпатичного представителя человечества, медаль пришлось бы отдать особе по имени Кармелита Спатс, а если бы не отдали, то она все равно у вас бы ее вырвала – уж к такой породе людей она принадлежала. Кармелита Спатс была грубая, она была агрессивная, и она была грязная. По правде говоря, мне и самому досадно, что я вынужден описывать ее; в этой истории столько всего огорчительного, что лучше бы обойтись без упоминания столь неприятной особы.

Но, слава богу, герои этой истории – бодлеровские сироты, а не отвратительная Кармелита Спатс, и если бы золотую медаль захотели дать Вайолет, Клаусу и Солнышку, то она причиталась бы им за стойкость перед лицом превратностей судьбы.

«Превратности судьбы» означают здесь «невзгоды», и мало найдется в мире людей, которым на долю выпало бы столько превратных невзгод, они повсюду преследовали этих троих детей. Невзгоды начались в тот день, когда, играя на пляже, они получили горестное известие о гибели родителей во время страшного пожара, в результате чего их отослали жить у дальнего родственника, Графа Олафа.

Если бы вам захотелось наградить золотой медалью Графа Олафа, пришлось бы спрятать ее под замок до церемонии награждения, потому что Граф Олаф, алчный злодей, попытался бы украсть ее до этого события. Золотой медали у бодлеровских детей не было, но они обладали огромным состоянием, доставшимся им в наследство от родителей, это состояние и пытался присвоить Граф Олаф. Детям пока удалось уцелеть, хотя и с невероятным трудом, но Граф Олаф следовал за ними повсюду, да еще в сопровождении одного или нескольких зловещих и уродливых приспешников. Кто бы ни становился опекуном Бодлеров, там каждый раз объявлялся Граф Олаф и творил такие гнусности, что и перечислять-то их тяжело: киднепинг, убийство, угрожающие звонки по телефону, переодевания, яд, гипноз и отвратительная еда – вот лишь некоторые из невзгод, которые по милости Графа Олафа претерпели бодлеровские сироты. Что еще хуже, у него была дурная привычка каждый раз избегать ареста, поэтому он неизменно объявлялся снова. Поистине ужасно, что вся история повторяется опять и опять, но уж что есть, то есть.

Я рассказываю о том, как именно разворачивается эта история, лишь потому, что сейчас вам предстоит познакомиться с грубой, агрессивной и грязной Кармелитой Спатс, и если вам невыносимо читать про нее, лучше отложить эту книгу в сторону и почитать что-нибудь другое, поскольку дальше все пойдет еще хуже. Очень скоро Вайолет, Клаусу и Солнышку достанется столько невзгод, что тычок, полученный ими от Кармелиты, покажется им походом в кафе-мороженое.

– Прочь с дороги, кексолизы несчастные! – крикнула грубая, агрессивная и грязная девочка, отпихивая бодлеровских сирот.

Вайолет, Клаус и Солнышко так оторопели от неожиданности, что никак не реагировали. Они стояли на пешеходной дорожке, выложенной кирпичами, очень старой, судя по тому, что повсюду пробивался густой темный мох. С обеих сторон дорожки простиралась лужайка такого бурого цвета, что ее, казалось, никогда в жизни не поливали. На лужайке сотни детей бегали во всех направлениях. Иногда кто-то спотыкался и падал, но тут же вскакивал и опять принимался бегать. Беготня эта казалась изнурительной и бессмысленной, а того и другого лучше избегать, но Бодлеры едва взглянули на бегающих детей, они не отрывали глаз от поросших мхом кирпичей.

Застенчивость – странная штука. Она возникает вдруг, как зыбучие пески, и так же, как зыбучие пески, вынуждает своих жертв смотреть себе под ноги. Бодлерам предстоял первый

день в Пруфрокской подготовительной школе, и всем троим вдруг захотелось смотреть на лезущий между кирпичами мох, а не на то, что их окружало.

– Вы что-то уронили? – осведомился мистер По, кашляя в белый носовой платок.

Бодлерам в первую очередь не хотелось смотреть на мистера По, идущего позади них. Мистер По был банковским служащим, которому после страшного пожара поручили заботиться о делах Бодлеров, и хуже нельзя было придумать. Намерения у мистера По были хорошие, но и у банки с горчицей тоже, вероятно, намерения хорошие, и, возможно, она лучше справилась бы с задачей защитить детей от опасности. Вайолет, Клаус и Солнышко давно уже знали: в отношении мистера По на одно только можно твердо рассчитывать – он непременно закашляется.

– Нет, – ответила Вайолет, – мы ничего не роняли.

Вайолет, старшая из бодлеровских сирот, как правило, не отличалась застенчивостью. Она любила изобретать. Ее часто заставляли глубоко задумавшейся над каким-нибудь изобретением, и при этом волосы у нее были высоко подвязаны лентой, чтобы не лезли в глаза. Когда изобретение было закончено, она любила показать его своим знакомым, на которых ее мастерство обычно производило большое впечатление. В данный момент она созерцала кирпичи, обросшие мхом, и обдумывала идею машины, которая не давала бы дорожке зарастать, но говорить об этом ей не хотелось, потому что она нервничала. А вдруг никого из учителей, учеников или администрации не заинтересует ее изобретение?

Словно прочитав ее мысли, Клаус положил ей руку на плечо, и Вайолет улыбнулась. За свои двенадцать лет Клаус уже усвоил, что на старшую сестру рука на плече действует успокаивающе (в том случае, конечно, если рука дружеская). При обычных обстоятельствах Клаус еще и сказал бы какие-то успокаивающие слова, но на сей раз он оробел, как и его сестры. Клаус по большей части проводил время за любимым занятием, а именно за чтением книг. Порой утро заставляло его спать с очками на носу, – значит, он читал до поздней ночи и до того устал, что забыл их снять. Глядя себе под ноги, Клаус вспомнил, что читал книжку под названием «Тайны мха». Но сейчас из робости ничего не сказал о ней. А вдруг в Пруфрокской подготовительной школе нет интересных книг?

Солнышко, младшая из Бодлеров, подняла голову и поглядела на старших. Вайолет улыбнулась и взяла ее на руки. Сделала она это без труда, так как Солнышко, совсем почти младенец, была чуть больше каравая хлеба. Она тоже слишком нервничала, чтобы говорить, хотя ее вообще было трудно понять в тех случаях, когда она говорила. Сейчас, например, не оробей Солнышко, она вполне могла бы открыть рот, обнаружив свои четыре острых зуба, и произнести «Маримо!», что, возможно, означало бы: «Надеюсь, в школе найдется что кусать, ведь кусать предметы одно из моих любимых занятий!»

– Я понимаю, отчего вы все притихли, – сказал мистер По. – Вы взволнованы, и я вас не осуждаю за это. В детстве я всегда мечтал учиться в школе-интернате, но мне не представилось такого случая. Признаюсь, мне даже немного завидно.

Бодлеры переглянулись. Именно то, что Пруфрокская подготовительная школа оказалась интернатом, и заставляло их особенно нервничать. Если изобретения там никого не интересуют, если читать там нечего и кусать запрещено, то скучать им придется не только днем, но и ночью. А если мистеру По в самом деле так завидно, вот бы и учился в Пруфрокской школе, а они бы служили в банке.

– Вам очень повезло, что вы попали сюда, – продолжал мистер По. – Мне пришлось обзвонить четыре школы, пока я нашел именно эту, где приняли всех троих вместе, причем не потребовав подать заявление заранее. Пруфрокская подготовительная – отличный интернат. Все учителя с учеными степенями. Спальни прекрасно обставлены. А главное, там имеется усовершенствованная компьютерная система, которая поможет уберечь вас от Графа Олафа. Завуч Ниро сообщил мне, что полное описание внешности Олафа – от единственной длинной

брови и до татуировки в виде глаза на щиколотке левой ноги – внесено в компьютер, так что на ближайшие несколько лет вы здесь в полной безопасности.

– Каким образом компьютер может уберечь нас от Графа Олафа? – с недоумением спросила Вайолет, по-прежнему глядя в землю.

– Но ведь компьютер усовершенствованный, – сказал мистер По таким тоном, будто это все объясняло, хотя речь шла просто о компьютере нового поколения. – Не забивайте себе голову мыслями о Графе Олафе. Завуч Ниро пообещал мне не спускать с вас глаз. В конце концов, в таком продвинутом заведении не допустят, чтобы по территории свободно разгуливали чужие.

– Прочь с дороги, кексолизы! – И мимо них опять промчалась грубая, агрессивная, грязная девчонка.

– Что значит «кексолизы»? – шепотом осведомилась Вайолет у Клауса, который располагал богатейшим запасом слов благодаря чтению книг.

– Не знаю, – признался Клаус, – но явно не очень приятное.

– Какое очаровательное слово. Кексолизы... – проговорил мистер По. – Не знаю, что оно значит, но напоминает мне о чем-то вкусном. Ну вот мы и пришли.

Поросшая мхом дорожка кончилась, они очутились перед школой. Бодлеры наконец подняли глаза и ахнули от удивления, увидев свой новообретенный дом. Если бы они не смотрели себе под ноги, пока шли через лужайку, то давно бы увидели, как выглядит интернат. А впрочем, может, и к лучшему было не смотреть на него как можно дольше. Тот, кто проектирует здания, называется архитектором, но в данном случае автора Пруфрокской подготовительной школы уместнее было бы назвать «архитектор-меланхолик». Школа состояла из нескольких зданий – все как одно из гладкого серого камня, – выстроившихся неаккуратной линией. Чтобы попасть внутрь зданий, следовало пройти под громадной каменной аркой, отбрасывающей на лужайку изогнутую тень, похожую на радугу, у которой все цвета заменили на серый или черный. На арке чернела огромная надпись «Пруфрокская подготовительная школа», а ниже, помельче, стоял девиз школы «Memento mori»¹. Но не здания и не арка заставили детей ахнуть, а форма зданий: высокие, прямоугольные, с закругленным верхом. Сиротам сразу пришло в голову нечто имеющее именно такую особенную форму. Каждое здание выглядело точь-в-точь как надгробие.

– Довольно странная архитектура, – заметил мистер По. – Дома торчат, как большие пальцы. Так, а теперь вы должны немедленно представиться завучу Ниро. Кабинет на девятом этаже главного здания.

– Разве вы не подниметесь с нами, мистер По? – спросила Вайолет. Конечно, ей было уже четырнадцать, достаточно, чтобы самостоятельно явиться в чей-то кабинет, но как-то страшновато без сопровождения взрослых входить в здание такого зловещего вида.

Мистер По покашлял в платок и одновременно взглянул на часы.

– Боюсь, я не успеваю, – ответил он, справившись с кашлем. – Рабочий день в банке уже начался. Я ведь уже обговорил все детали с завучем Ниро, и, если возникнут какие-то сложности, помните, вы всегда можете связаться со мной или с любым моим сотрудником в Управлении Денежных Штрафов по телефону. Желаю вам чудесно провести время в Пруфрокской подготовительной школе.

– Надеюсь, так и будет, – отозвалась Вайолет с напускной храбростью. – Спасибо за все, мистер По.

– Да, спасибо вам, – повторил вслед за ней Клаус, пожимая руку мистеру По.

– Терфант, – сказала Солнышко, что заменяло ей «спасибо».

– Всегда к вашим услугам, – отозвался мистер По. – До свидания.

¹ Помни о смерти (лат.). (Здесь и далее примеч. перев.)

Он кивнул Бодлерам, и Вайолет с Солнышком провожали его взглядом все время, пока он шел по мшистой дорожке, стараясь не столкнуться с бегающими детьми. Но Клаус не смотрел ему вслед – он не сводил глаз с громадной арки.

– Может, я и не знаю, что значит «кексолизы», – сказал он, – но я берусь перевести девиз нашей новой школы.

– Как-то не похоже на английский. – Вайолет задрала голову кверху.

– Рачо, – согласилась Солнышко.

– Это не английский, это латынь, – подтвердил Клаус. – Девизы почему-то часто пишутся на латинском. Я точно помню, что прочел эту фразу в книге о Средних веках. Если она значит то, что я думаю, девиз, прямо скажем, странный.

– И что же, ты думаешь, он значит? – поинтересовалась Вайолет.

– Если не ошибаюсь, – а Клаус редко ошибался, – «Memento mori» означает «Помни, что ты умрешь».

– Помни, что ты умрешь, – тихонько повторила Вайолет, и трое сирот сделали шаг поближе друг к другу, как будто им стало холодно.

Разумеется, каждый человек рано или поздно умрет. Цирковой артист умрет, и кларнетист умрет, и мы с вами умрем, и, возможно, человек, живущий в одном квартале с вами, как раз сейчас не посмотрел в обе стороны, переходя через улицу, и умрет через несколько секунд под автобусом. Словом, всех людей ожидает смерть, но никому не нравится, чтобы ему все время об этом напоминали. И детям тоже не хотелось об этом помнить. Тем более в тот момент, когда они проходили под аркой Пруфрокской подготовительной школы. Сиротам незачем было напоминать об этом в их первый день на гигантском кладбище, ставшем отныне их домом.

Глава вторая

Стоя перед дверью в кабинет завуча Ниро, бодлеровские сироты вспомнили кое- что из сказанного отцом за несколько месяцев до смерти. Как-то вечером родители Бодлер отправились на симфонический концерт, а дети остались одни в большом семейном доме. У них в

таких случаях сложилась определенная традиция: сперва Вайолет и Клаус садились сыграть несколько партий в шашки, а Солнышко в это время рвала старые газеты. Потом все трое читали в библиотеке и засыпали прямо там, на уютных диванах. Вернувшиеся с концерта родители будили детей, немножко разговаривали о проведенном вечере и отсылали их спать. Но в тот именно вечер родители вернулись домой рано, когда дети еще читали (вернее, читали старшие, а Солнышко рассматривала картинки). Отец остановился в дверях библиотечной комнаты и сказал следующее, что не забылось до сих пор.

– Дети, – сказал он, – нет худших звуков на свете, чем звуки скрипки, когда на ней играет человек, который не умеет играть, но упорно продолжает это делать.

Тогда дети только хихикнули, но сейчас, когда они стояли перед дверью завуча, они оценили, насколько прав был их отец. Сперва им показалось, будто там, за толстой деревянной дверью, какое-то мелкое животное закатило истерику. Но, прислушавшись, они поняли, что кто-то, не умеющий играть на скрипке, упорно продолжает это делать. Скрипка визжала, шипела, скрипела, стонала и производила всякие другие ужасающие звуки, не поддающиеся описанию. Наконец Вайолет не выдержала и постучалась. Стучать пришлось очень громко, чтобы за дверью услышали, несмотря на неумолкающий отвратительный концерт. Наконец деревянная дверь со скрипом отворилась, и показался высокий разгневанный мужчина со скрипкой, прижатой к щеке.

– Кто смеет прерывать гения, когда он репетирует? – провозгласил он таким рокошущим голосом, что любой бы оробел, услышав его.

– Это мы, Бодлеры, – тихо ответил Клаус, глядя в пол. – Мистер По велел нам идти прямо в кабинет завуча Ниро.

– *Мистер По велел нам идти прямо в кабинет завуча Ниро*, – передразнил мужчину высоким пронзительным голосом. – Ну так входите скорее, у меня и другие дела есть.

Дети вошли в кабинет и тут смогли получше разглядеть человека, который их передразнил. На нем был помятый коричневый костюм, к пиджаку что-то прилипло, галстук пестрел изображениями улиток. Нос был такой маленький и красный, как будто в середину лица, и без того покрытого какими-то пятнами, вlepили мелкий помидор. На почти лысой голове торчало четыре пучка волос, которые он заплет в косички и перевязал резинками. Бодлерам еще никогда не приходилось видеть человека такой наружности, и на него и смотреть-то не очень хотелось. Но кабинет был настолько тесный и пустой, что поневоле взгляд все время попадал на него. В комнате стоял только небольшой металлический столик, небольшой металлический стул рядом и сбоку на столе – небольшая металлическая лампа. На единственном окне висели занавески такого же рисунка, что и галстук. И еще одно: в углу комнаты, точно жаба, сидел сверкающий компьютер. Экран был пустой, серый, а кнопки красные, как и нос у человека с косичками.

– Дамы и господа! – громко провозгласил тот. – Завуч Ниро!

Наступило молчание, дети оглядели комнатку, недоумевая, где может скрываться Ниро. Затем они снова обратили взгляд на мужчину с косичками, который поднял обе руки вверх, так что скрипка и смычок почти касались потолка. И тут они догадались, что Ниро, которого он так величественно представил им минуту назад, он сам и есть. Ниро помолчал немного и обратил суровый взор на Бодлеров.

– Есть такая традиция, – сказал он осуждающим тоном, – аплодировать, когда представляют гения.

Разумеется, традиция еще ни к чему не обязывает. Пиратство, например, тоже можно назвать традицией, оно существовало сотни лет, но это не значит, что мы все должны нападать на суда и грабить их. Однако завуч Ниро так рассвирепел, что дети почли за лучшее соблюсти традицию и зааплодировали. Они хлопали до тех пор, пока Ниро, несколько раз поклонившись, не уселся на стул.

– Благодарю вас, добро пожаловать в Пруфрокскую подготовительную школу, и ла-ла-ла. – Этим он хотел показать, что ему просто лень как следует заканчивать фразу. – По сути, я делаю мистеру По одолжение, принимая трех сирот так сразу. Он заверил меня, что вы не причините особых хлопот. Но я и сам провел некоторые расследования. Вас посылали от одного законного опекуна к другому, и всякий раз за этим следовали невзгоды. Кстати, невзгоды – это означает «несчастья».

– В нашем случае, – сказал Клаус, не указывая на то, что он сам знает значение слова «невзгоды», – они означают «Граф Олаф». Именно он был причиной всех несчастий, постигавших наших опекунов.

– *Именно он был причиной всех несчастий, постигавших наших опекунов,* – передразнил противным голосом Ниро. – Откровенно говоря, меня не интересуют ваши проблемы. Я – гений и, кроме скрипки, ни на что не могу тратить время. Достаточно удручает уже то, что мне пришлось взять на себя обязанности завуча, но как быть, если ни один оркестр не оценил моего таланта. И я не собираюсь еще больше удручать себя выслушиванием проблем трех сопляков. Как бы то ни было, в Пруфрокской подготовительной школе вам не удастся свалить собственные недостатки на так называемого Графа Олафа. Смотрите.

Ниро шагнул к компьютеру и стал жать на две кнопки. Экран засветился светло-зеленым светом, как будто страдал от морской болезни.

– Это усовершенствованный компьютер, – продолжал Ниро. – Мистер По сообщил мне необходимые данные о человеке, которого вы именуете Графом Олафом, и я внес их в программу. Видите? – Ниро нажал еще одну кнопку, и на экране возникло небольшое изображение Графа Олафа. – Теперь, когда усовершенствованный компьютер о нем знает, вам нечего беспокоиться.

– Но каким образом компьютер может не подпускать к нам Графа Олафа? – спросил Клаус. – Что бы ни появлялось на экране, Графу Олафу ничто не мешает объявиться тут и устроить неприятности.

– Я не собираюсь утруждать себя объяснениями, – заявил Ниро. – Все равно таким невеждам, как вы, не понять гения. Ну ничего, Пруфрокская подготовительная позаботится об этом. Уж тут вас заставят получить образование, даже если придется применить насилие. Кстати говоря, надо вам все показать. Подойдите к окну.

Бодлеры подошли к окну и взглянули вниз, на бурую лужайку. Отсюда, с высоты девятого этажа, бегающие внизу дети казались муравьями, а пешеходная дорожка выглядела как брошенная лента. Ниро стоял позади детей и указывал на все скрипкой.

– Итак, здание, в котором вы сейчас находитесь, является административным. Вход сюда учащимся строго воспрещен. Сегодня вы тут впервые, так что я вас прощаю, но если появись еще раз, вам запретят пользоваться за едой серебряными вилками и ложками. Вон в том сером здании находятся учебные классы. Ты, Вайолет, будешь учиться у мистера Реморы, в классе номер один, а ты, Клаус, будешь заниматься в классе номер два у миссис Басс. Способны запомнить? Класс номер один и класс номер два? Если нет, тогда я напишу вам это на руке несмываемым фломастером.

– Мы способны запомнить, – торопливо ответила Вайолет. – А где классная комната для Солнышка?

Завуч Ниро выпрямился во весь свой рост, а именно один метр семьдесят восемь сантиметров.

– Пруфрокская подготовительная школа серьезное учебное заведение, а не детский сад. Я говорил мистеру По, что ей найдется где жить, но для младенца в школе места нет. Солнышко будет выполнять для меня секретарские обязанности.

– Агрегг? – недоуменно спросила Солнышко. «Недоуменно» здесь означает «не веря своим ушам», а «агрегг» – «Как?! Не могу поверить».

– Но Солнышко совсем маленькая, – возмутился Клаус. – Маленькие дети не работают.

– *Маленькие дети не работают*, – передразнил Ниро и продолжал: – Но маленькие дети и не живут в школах-интернатах. Маленьких детей научить ничему нельзя, поэтому она будет работать на меня. Ей всего лишь придется отвечать на телефонные звонки и выполнять канцелярскую работу. Это не так уж трудно, к тому же работать на гения – большая честь. Дальше. Если кто-то из вас опоздает на урок или Солнышко опоздает на работу, вам свяжут руки за спиной во время еды и вам придется брать пищу ртом, как едят собаки. Ну и конечно, Солнышко вообще лишат привилегии пользоваться серебряной ложкой и вилкой, потому что она будет работать в административном здании, куда ей вход запрещен.

– Но это несправедливо! – не удержалась Вайолет.

– *Но это несправедливо!* – пропищал завуч Ниро. – Вон в том каменном здании – столовая. За завтраком, ланчем и обедом блюда подаются быстро. Если опоздаете, у вас отберут чашки и стаканы, и тогда питье вы будете лакать прямо с подноса. Вон то прямоугольное здание с закругленным верхом – большой зал. Каждый вечер я даю там шестичасовой скрипичный концерт, присутствие считается обязательным. Слово «обязательный» означает, что в случае отсутствия вам придется купить мне большой кулек карамелей и наблюдать, как я их съем. Лужайка служит спортивным залом. Наша постоянная учительница гимнастики мисс Тенч несколько дней назад нечаянно выпала из окна третьего этажа, но мы нашли замену, и учитель вот-вот прибудет. А пока я распорядился, чтобы дети взамен уроков гимнастики просто бегали как можно быстрее туда-сюда по лужайке. Вот, пожалуй, и все. Есть вопросы?

«Что может быть хуже всего этого?» – хотела спросить Солнышко, но хорошее воспитание не позволило ей задать такой вопрос. «Что за жестокие, несусветные наказания и правила? Вы, наверное, шутите?» – хотелось спросить Клаусу, но он и так знал, что ответ будет: «Нет, не шучу». Одна Вайолет придумала вопрос, который стоило задать.

– У меня есть вопрос, завуч Ниро. Где мы будем жить?

Ответ Ниро был настолько предсказуем, что они все могли произнести его хором вместе с этим никчемным администратором.

– *Где мы будем жить?* – пропищал он издевательским тоном. После чего все-таки соблаговолил ответить: – У нас в Пруфрокской подготовительной великолепное общежитие. Вы не могли не заметить серого здания, построенного целиком из камня и имеющего форму большого пальца. Внутри есть большая общая гостиная с кирпичным камином, комната для игр и большая библиотека, где выдают книги учащимся. У каждого ученика отдельная комната, и каждую среду туда ставится ваза со свежими фруктами. Ну как, нравится вам это?

– Кииб! – крикнула Солнышко, желая сказать что-то вроде: «Я люблю фрукты!»

– Рад это слышать, – продолжал Ниро. – Но только вам все это видеть почти не придется. Чтобы жить в общежитии, вы должны иметь разрешение с подписью кого-то из родителей или опекуна. Но родители у вас умерли, а мистер По говорит, что все ваши опекуны или убиты, или отказались от вас.

– Но разрешение наверняка может подписать мистер По, – высказала предположение Вайолет.

– Нет, наверняка не может, – отрезал Ниро. – Он не родитель и не опекун. Он банковский чиновник, который занимается вашими делами.

– Но ведь это почти одно и то же, – протестовал Клаус.

– *Но ведь это почти одно и то же*, – передразнил Ниро. – Надеюсь, после нескольких семестров в Пруфрокской подготовительной вы усвоите разницу между родителями и банковским чиновником. Боюсь, вам придется жить в небольшой лачуге, сделанной целиком из жести. Там нет ни гостиной, ни комнаты для игр, ни библиотеки. Спать вы будете каждый на своей кипе сена, и – никаких фруктов. Место мрачноватое, но, поскольку, по словам мистера По, вам не раз приходилось испытывать неудобства, я решил, что вам не привыкать.

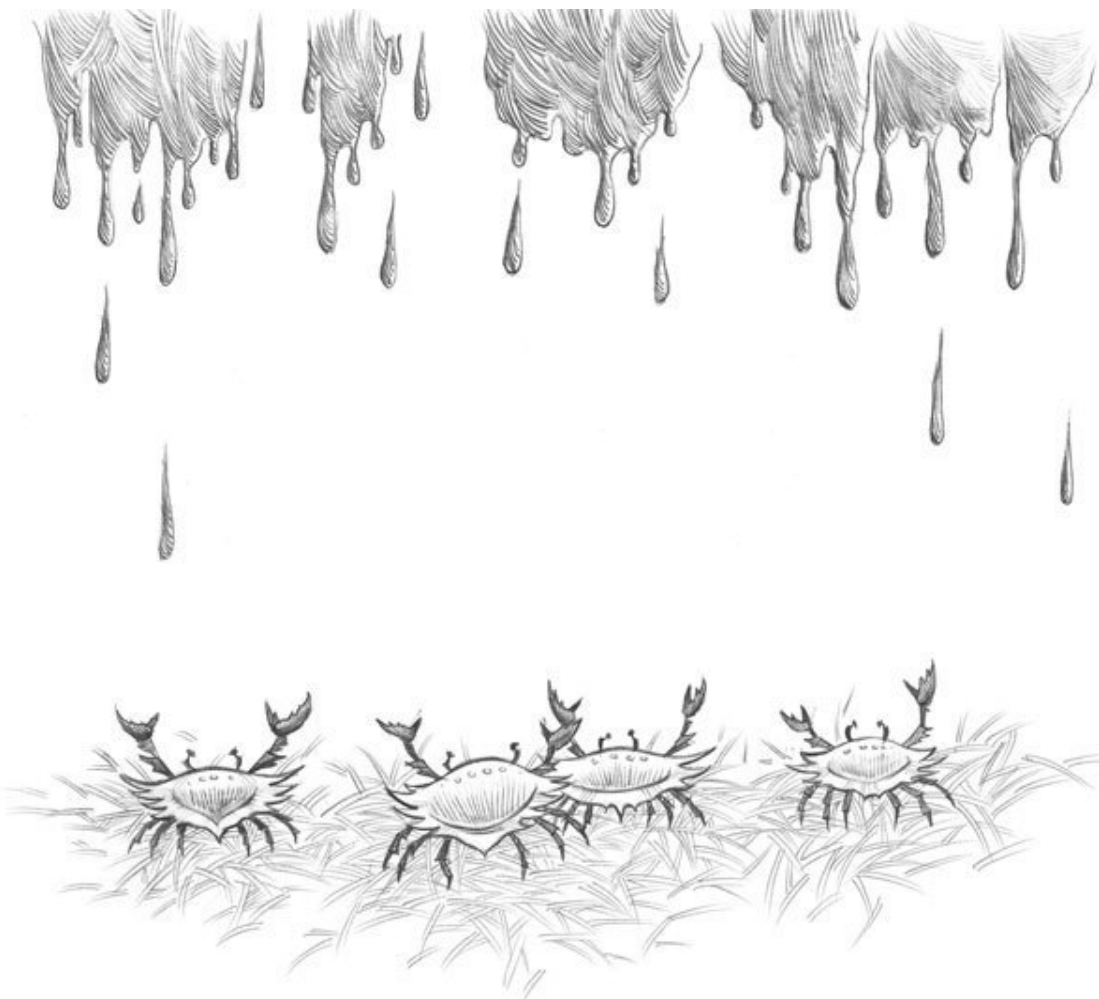
– А вы не могли бы сделать исключение? – вежливо попросила Вайолет.

– Я скрипач! – завопил вдруг Ниро. – Мне некогда делать исключения! Я должен упражняться на скрипке! Так что будьте добры, покиньте мой кабинет и дайте мне работать!

Клаус открыл было рот, желая сказать что-нибудь еще, но, взглянув на Ниро, понял, что без толку уговаривать этого упрямого, поэтому Клаус с хмурым видом последовал за сестрами к выходу, не произнеся больше ни слова. Но когда за ними закрылась дверь, словечко сказал сам завуч Ниро и притом повторил его трижды. Выслушав эти три слова, дети поняли, что он им нисколько не сочувствует: едва они покинули кабинет, как Ниро, считая, что его никто не слышит, сказал: «Хи-хи-хи».

Правда, завуч Пруфрокской подготовительной, конечно, не сказал именно так: «Хи-хи-хи». Когда вы читаете в книге слова «хи-хи-хи», или «ха-ха-ха», или «хе-хе-хе», или даже «хо-хо-хо», это просто означает, что кто-то смеется. Однако в данном случае слова «хи-хи-хи» даже приблизительно не могут описать смех завуча Ниро. Смех был визгливый, смех был скрипучий и какой-то шершавый и даже хрустящий, будто одновременно Ниро жевал жестянку. Но что хуже всего, смех был жестокий. Вообще жестоко смеяться над людьми, хотя и трудно бывает удержаться, если на них, скажем, уродливая шляпа. Но ни на ком из Бодлеров не было уродливой шляпы. Они были просто дети, которые только что услышали неприятные новости, и если бы Ниро испытывал такую уж сильную потребность посмеяться над ними, ему следовало сдержаться, пока они не окажутся вне пределов слышимости. Но завуч Ниро и не собирался сдерживаться, и вот, слыша его смех, бодлеровские дети поняли, что сказанное их отцом в тот вечер, когда родители рано вернулись с концерта, неверно. Есть на свете звук хуже, чем звук скрипки, когда на ней играет не умеющий на ней играть. Визгливый, скрипучий, шершавый, хрустящий и жестокий смех завуча, смеявшегося над детьми, вынужденными жить в лачуге, был гораздо, гораздо хуже. Поэтому, когда я пишу сейчас, скрываясь в горной хижине, слова «хи-хи-хи» и когда вы, где бы вы ни скрывались, читаете слова «хи-хи-хи», знайте, что «хи-хи-хи» – худшие звуки из всех, слышанных Бодлерами.

Глава третья

Выражение «делать из мухи слона» попросту значит преувеличивать что-либо, когда оно вовсе не заслуживает преувеличенного внимания. Легко понять, откуда взялось это выражение. Муха – маленькая, ее можно не заметить, если только она не будет к вам приставать. Чего нельзя сказать о слоне. Он не будет к вам приставать, если оставить его в покое, но не заметить его невозможно, и он в самом деле заслуживает большого внимания. Он очень высокий, и если на него залезть, то можно свалиться, а если его разозлить, то он может напасть и покалечить или даже убить множество людей. И если кто-то делает из мухи слона, он притворяется, будто столкнулся с чем-то таким же опасным, как разъяренный слон, когда на самом деле его просто пощекотала муха.

Когда бодлеровские сироты добрались до лачуги, где им предстояло жить, они сразу увидели, что завуч Ниро вовсе не делал из мухи слона, когда назвал лачугу мрачным местом. И он никоим образом не делал из слона муху. Лачуга и вправду, как он говорил, оказалась маленькой и была сделана из жести, и там действительно не было ни гостиной, ни комнаты для игр, ни библиотеки. Там и в самом деле было три кипы прессованного сена вместо кроватей и абсолютно никаких свежих фруктов. Но завуч Ниро опустил кое-какие детали, и именно эти детали делали лачугу еще хуже. Первое, что заметили Бодлеры, были мелкие крабы, каждый величиной с коробок спичек. Хижина буквально кишела ими, они бегали по дощатому полу, щелкая в воздухе своими маленькими клешнями. Дети зашли внутрь, уныло уселись на сено

и с огорчением увидели, что крабы тут же принялись отстаивать свои территориальные права, то есть в данном случае «очень расстроились, застав детей в своем жилье». Крабы столпились вокруг Бодлеров и угрожающе защелкали клешнями. К счастью, с меткостью у крабов обстояло неважно, а также, к счастью, маленькие клешни могли разве что сильно ущипнуть, не более того. Однако несмотря на их относительную безвредность, крабы не способствовали уюту в лачуге.

Усевшись на сено, дети подобрали под себя ноги, чтобы избежать щелкающих клешней, и посмотрели вверх, и тут они увидели еще одну деталь, которую не счел нужным упомянуть Ниро. На потолке росла какая-то плесень в виде светло-коричневой и мокрой шишки. Каждые несколько секунд сверху капала влага, издавая «плюх», так что детям приходилось увертываться. Как и мелкие крабы, плюхающий нарост был, видимо, довольно безвреден, но так же, как и крабы, делал лачугу еще неудобнее.

И наконец, сидя на кипе сена с поджатыми ногами и увертываясь от падающих капель, дети увидели еще одну безвредную, но отталкивающую деталь, которая делала лачугу даже хуже, чем они заключили из слов Ниро, а именно – окраска жестяных стен. Все стены были ядовито-зелеными, с рисунком из крошечных розовых сердечек, как будто лачуга – открытка на Валентинов день, а не жилое помещение. Бодлеры решили, что уж лучше смотреть на кипы сена, или на мелких крабов на полу, или даже на светло-коричневую плесень на потолке, чем на безобразные стены.

В общем и целом лачуга не годилась даже под хранилище банановой кожуры, что уж говорить о домашнем приюте для троих невзрослых детей. Признаюсь, если бы мне сказали, что отныне это мой дом, я бы, наверное, бросился на кипу сена и закатил истерику. Но Бодлеры давным-давно усвоили: как ни весело закатывать истерики, они редко разрешают возникшие проблемы. Поэтому, посидев некоторое время в унылом молчании, сироты сделали попытку взглянуть на ситуацию с хорошей стороны.

– Комнату, конечно, не назовешь приятной, – проговорила наконец Вайолет, – но если как следует подумать, уверена, я что-нибудь придумаю, чтобы прогнать крабов.

– А я почитаю что-нибудь про светло-коричневую плесень, – добавил Клаус. – Может, в библиотеке общегития найдется информация о том, как добиться, чтобы с потолка не капало.

– Ивозер. – Солнышко хотела сказать что-то вроде: «Поспорим, я соскребу моими четырьмя зубами краску со стен, чтоб они стали менее безобразными».

Клаус поцеловал младшую сестру в макушку.

– По крайней мере, мы хоть в школу будем ходить. А то я уже соскучился по настоящим занятиям.

– Я тоже, – сказала Вайолет. – И по крайней мере, мы познакомимся с кем-то нашего возраста. А то мы давно имеем дело только со взрослыми.

– Уоник, – добавила Солнышко, что, возможно, значило: «И овладеть секретарскими навыками для меня волнующая возможность, хотя на самом деле мне бы следовало ходить в детский сад».

– Все верно, – подытожил Клаус. – Как знать? А вдруг усовершенствованный компьютер способен не пустить сюда Графа Олафа, а это самое важное.

– Ты прав, – согласилась Вайолет, – мне хорошо в любом помещении, где нет Графа Олафа.

– Оло, – закончила Солнышко, что означало: «Даже если это помещение безобразное, сырое и полно крабов».

Дети вздохнули и немножко посидели не двигаясь. В лачуге было тихо, если не считать пощелкивания мелких крабов, плюханья какой-то жидкости с потолка да вздохов Бодлеров, когда они оглядывали безобразные стены. Как ни старайся, у них никак не получалось сделать из слона муху. Сколько бы они ни воображали себе настоящие классы, детей своего возраста

или волнующую возможность освоить секретарские навыки, новый дом все равно казался им гораздо, гораздо хуже, чем самая приставучая муха.

– Ну ладно, – через некоторое время проговорил Клаус, – мне кажется, время близится к ланчу. Помните, если мы опоздаем, у нас заберут чашки и стаканы, так что лучше пойти.

– Дурацкие правила. – Вайолет уклонилась от очередного «плюх». – У ланча нет определенного времени, откуда мы знаем, когда у них тут ланч.

– Ты права, – поддержал ее Клаус. – А как тебе нравится, что Солнышко накажут, если она войдет в административное здание? Она же *обязана* туда ходить как секретарша Ниро. Вот уж полный бред!

– Кальк! – Солнышко положила маленькую руку брату на колено. Она имела в виду нечто вроде: «Не беспокойся. Я маленькая и еще не умею пользоваться как следует ложкой и вилок. Не важно. Пускай забирают».

Какими бы нелепыми ни казались здешние правила, детям совсем не хотелось, чтобы их наказали, поэтому все трое, ступая с крайней осмотрительностью (здесь это означает «стараясь не наступать на отстаивающих свою территорию крабов»), двинулись к выходу и скоро вышли на бурую лужайку. Должно быть, урок гимнастики закончился, бегающие дети исчезли, что заставило Бодлеров ускорить шаг в сторону столовой.

За несколько лет до происходящих событий, когда Вайолет было десять лет, Клаусу восемь, а Солнышка еще и в помине не было, семейство Бодлер отправилось на ярмарку их округа посмотреть на свинью, которую дядя Элвин выставил на конкурс. Конкурс свиней показался им довольно скучным, но зато в соседней палатке проходило другое состязание, которое очень заинтересовало семейство Бодлер: конкурс на самую большую лазанью, что, как известно, род запеканки. Эту лазанью испекли одиннадцать монахинь, она завоевала синюю ленту и выглядела как большой мягкий матрас. Быть может, оттого, что брат с сестрой находились тогда во впечатлительном возрасте (имеется в виду десять и восемь лет от роду), Вайолет с Клаусом запомнили лазанью на всю жизнь и не сомневались, что такой огромной они больше никогда не увидят.

Но они ошибались. Войдя в столовую, они увидели, что их ждет лазанья величиной с танцевальную площадку. Она покоилась на громадной подставке, чтобы не сжечь пол, а особа, раздававшая запеканку, была в предохранительной металлической маске, так что в прорезях виднелись только глаза. Ошеломленные Бодлеры встали в длинную очередь и начали ждать, когда особа в металлической маске бухнет им на уродливые пластиковые подносы по ломтю запеканки. Что она и сделала совершенно молча. Получив лазанью, сироты прошли дальше и взяли на конвейере зеленого салата из таза размером с пикап. Рядом с салатом возвышалась гора чесночного хлеба, а в конце конвейера поджидала еще одна особа в металлической маске, раздававшая серебряные столовые приборы тем учащимся, кто не заходил в административное здание.

Бодлеры сказали «спасибо» особе, и в ответ им был медленный кивок металлической головы. Потом они оглядели битком набитый зал столовой. Сотни детей уже получили свои порции лазаньи и теперь сидели за длинными прямоугольными столами. Бодлеры увидели нескольких детей, которые явно побывали в административном здании, – серебряных ложек и вилок у них не было. Увидели Бодлеры и нескольких учащихся со связанными за спиной руками, очевидно опоздавших на урок. Было там еще несколько человек с печальными лицами, как будто им уже пришлось купить кое-кому карамелей и наблюдать за их поеданием. Сироты предположили, что эти учащиеся не присутствовали на шестичасовом концерте завуча Ниро.

Но не созерцание этих наказаний заставило бодлеровских сирот застыть на месте – просто они не знали, где им сесть. Столовая вообще такое место, которое может озадачить человека, потому что в каждой из них свои правила и не всегда ясно, где можно пристроиться поесть. Обычно Бодлеры садились рядом с кем-нибудь из своих друзей, но сейчас друзья оста-

лись далеко-далеко от Пруфрокской подготовительной школы, и поэтому Вайолет, Клаус и Солнышко без конца оглядывали зал, полный незнакомых людей, опасаясь, что им так и не удастся куда-нибудь поставить свои уродливые подносы. Наконец они встретились взглядом с девочкой, которую видели на лужайке и которая дала им такое странное прозвище, и сделали несколько шагов в ее сторону.

Мы-то с вами знаем, что эта противная девчонка не кто иная, как Кармелита Спатс, но Бодлеров с ней никто должным образом не знакомил, и они не представляли себе, до какой степени она противная. Правда, едва они успели подойти поближе, как она тут же просветила их на сей счет.

– *И не думайте* тут садиться! – заорала Кармелита Спатс, и несколько ее грубых, грязных, агрессивных друзей согласно закивали. – Не хватало еще сидеть со всякими из Сиротской лачуги!

– Мне очень жаль, – сказал Клаус, хотя вовсе не сожалел. – Я не хотел вам мешать.

Кармелита, очевидно ни разу не побывавшая в административном здании, схватила свою ложку с вилок и начала колотить ими по подносу – ритмично, но раздражающе. «Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги! Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги!» – кричала она нарастающим, и, к огорчению Бодлеров, многие к ней присоединились. Как нередко бывает с грубыми, агрессивными, грязными людьми, вокруг Кармелиты Спатс сплотилась целая команда, члены которой всегда с радостью помогали ей кого-нибудь мучить, – возможно, чтобы не трогали их самих. В одно мгновение, казалось, вся столовая стала выкрикивать нарастающим: «Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги!» Трое Бодлеров прижались друг к другу, высматривая, куда бы скрыться и спокойно поесть.

– Да оставь ты их в покое, Кармелита! – прорвался сквозь громкий ритмичный шум чей-то голос.

Бодлеры обернулись и увидели мальчика с темными волосами и широко раскрытыми глазами. Он выглядел немного старше Клауса, но немного моложе, чем Вайолет. Из кармана толстого шерстяного свитера у него торчала зеленая записная книжка.

– *Сама ты* кексолизка, никому в здравом уме есть рядом с тобой не захочется. Пойдемте. – Мальчик повернулся к Бодлерам. – За нашим столом найдется место.

– Спасибо большое, – с облегчением проговорила Вайолет и последовала за мальчиком к столу, где было вполне свободно.

Мальчик сел рядом с девочкой, как две капли воды похожей на него. Примерно того же возраста, с очень темными волосами, широко раскрытыми глазами и записной книжкой, засунутой в карман толстого шерстяного свитера. Разница заключалась только в том, что ее книжка была черной как смоль. Странное ощущение возникало оттого, что видишь перед собой людей, до такой степени похожих, но смотреть на них было куда приятнее, чем на Кармелиту Спатс, поэтому Бодлеры уселись напротив и представились.

– Я – Вайолет Бодлер, – сказала Вайолет Бодлер, – это мой брат Клаус и наша младшая, Солнышко.

– Приятно познакомиться, – сказал мальчик. – Меня зовут Дункан Квегмайр, а это моя сестра Айседора. А девочку, которая на вас кричала, как ни странно, зовут Кармелита² Спатс.

– Кажется, она не слишком приятная, – заметил Клаус.

– Это еще мягко сказано, – вступила в разговор Айседора. – Кармелита Спатс грубая, грязная и агрессивная, и чем меньше вы будете с ней общаться, тем лучше для вас.

– Прочти Бодлерам стихи, которые ты про нее написала, – посоветовал Дункан.

– Ты пишешь стихи? – спросил Клаус. Он много чего прочел про поэтов, но никогда их не встречал.

² *Кармелиты* – католические монашеские ордены, основанные крестоносцами в XII веке в Палестине на горе Кармель.

– Так, немного, – скромно ответила Айседора. – Я записываю их в записную книжку. У меня это потребность.

– Сафо! – выкрикнула Солнышко, что означало нечто вроде: «Я с удовольствием послушаю твои стихи!»

Клаус объяснил Квегмайрам, что имеет в виду Солнышко, Айседора улыбнулась и раскрыла книжечку.

– Стихи очень короткие, – пояснила она. – Всего две рифмованные строки.

– Двустиишие, – вставил Клаус. – Я вычитал это слово в одной литературоведческой книге.

– Да, я знаю, – отозвалась Айседора и прочла стихи, пригнувшись над столом, чтобы не услышала Кармелита Спатс:

Летучих мышей наглотаться досыта
Приятней, чем час провести с Кармелитой!

Бодлеры захихикали, но тут же прикрыли рот рукой, чтобы никто не подумал, что они смеются над Кармелитой.

– Здорово, – похвалил Клаус. – Мне очень понравилось про летучих мышей.

– Спасибо, – поблагодарила Айседора. – Мне бы хотелось почитать литературоведческую книгу, про которую ты говорил. Ты мне дашь ее ненадолго?

Клаус опустил голову.

– Нет, – сказал он. – Книга принадлежала моему отцу и сгорела во время пожара.

Квегмайры переглянулись, глаза их раскрылись еще шире.

– Мне очень жаль это слышать, – сказал Дункан. – Мы с сестрой пережили страшный пожар и знаем, что это такое. А ваш отец тоже погиб в пожаре?

– Да, – ответил Клаус, – и мама.

Айседора отложила вилку и, потянувшись через стол, похлопала Клауса по руке. При обычных обстоятельствах это смутило бы Клауса, но сейчас этот жест показался ему совершенно естественным.

– Очень сочувствую вам, – сказала Айседора. – Наши родители тоже погибли во время пожара. Ужасно, их так не хватает, правда?

– Блони. – Солнышко кивнула.

– Долгое время я боялся любого огня, – добавил Дункан. – Я даже на плиту не мог смотреть.

Вайолет улыбнулась:

– Мы жили некоторое время у одной женщины, Тети Жозефины, она тоже боялась плиты. Боялась, что плита взорвется.

– Взорвется! – поразился Дункан. – Даже я этого не боялся. А почему вы сейчас не живете с нею?

Наступила очередь Вайолет потупить взгляд и очередь Дункана потянуться через стол и взять ее за руку.

– Она тоже умерла, – ответила Вайолет. – По правде говоря, Дункан, в нашей жизни уже довольно давно все идет шиворот-навыворот.

– Мне жаль это слышать, – отозвался Дункан. – Хотелось бы сказать, что здесь ваши дела пойдут лучше. Но если учесть завуча Ниро и его игру на скрипке, Кармелиту Спатс с ее дразнилками и отвратительную Сиротскую лачугу, то Пруфрокская подготовительная школа место довольно скверное.

– По-моему, «Сиротская лачуга» – звучит ужасно, – заметил Клаус. – Там и без того плохо, а еще такое обидное название.

– С сожалением должна сказать, – проговорила Айседора, – этим мы обязаны Кармелите. Нам с Дунканом пришлось там жить три семестра, потому что у нас не было ни родителей, ни опекуна, чтобы подписать письменное разрешение.

– То же самое и с нами! – воскликнула Вайолет. – А когда мы попросили Ниро сделать исключение...

– ...Он ответил, что ему некогда, он упражняется на скрипке, – закончила Айседора, качнув головой. – Он всегда так говорит. Ну, в общем, Кармелита прозвала лачугу Сиротской, когда там жили мы, и, похоже, она и дальше будет ее так называть.

– Ладно. – Вайолет вздохнула. – Как называет Кармелита лачугу – это полбеды. А вот как вы боролись с крабами, когда жили там?

Дункан отпустил ее руку и достал из кармана записную книжку.

– Я делаю заметки, – пояснил он. – Собираюсь стать газетным репортером, когда вырасту, и считаю, что стоит начать практиковаться уже сейчас. Вот, пожалуйста: «Заметки о крабах». Понимаете, они боятся громких звуков, поэтому у меня тут список способов, которыми мы их отпугивали.

– Боятся громких звуков, – повторила Вайолет и подвязала волосы лентой, чтобы не лезли в глаза.

– Когда она вот так завязывает волосы, – объяснил Клаус Квегмайрам, – значит, она обдумывает изобретение. Вайолет у нас настоящий изобретатель.

– Как насчет шумных башмаков? – внезапно сказала Вайолет. – Что, если взять кусочки металла и приклеить их к подошвам? Когда мы будем ходить по полу, башмаки будут громко стучать и крабы разбегутся.

– Шумные башмаки! – воскликнул Дункан. – А мы с Айседорой столько прожили в Сиротской лачуге и не додумались до них! – Он достал из кармана книжечку и записал: «Шумные башмаки». – Если хотите справиться со светло-коричневой дрянью на потолке, то у меня есть список книг о плесени, которые можно взять в школьной библиотеке.

– Затвал! – радостно крикнула Солнышко.

– «Нам очень хочется побывать в библиотеке», – перевела Вайолет. – Какая удача, что мы с вами, двойняшками, познакомились.

Лица у Дункана и Айседоры вдруг вытянулись, то есть это не значит, что их лица стали длиннее, а просто на них появилось печальное выражение.

– Что случилось? – спросил Клаус. – Мы сказали что-то обидное?

– Двойняшки, – ответил Дункан таким тихим голосом, что Бодлеры еле расслышали.

– Но ведь вы двойняшки, верно? – смущенно сказала Вайолет. – Вы совсем одинаковые.

– Мы – тройняшки, – грустно ответила Айседора.

– Я что-то запуталась, – проговорила Вайолет. – Ведь тройняшки, это когда одновременно рождаются трое, так?

– Нас и родилось трое, – сказала Айседора, – но наш брат Куигли умер во время пожара, тогда же, когда и родители.

– Как грустно, – сказал Клаус. – Пожалуйста, простите, что мы назвали вас двойняшками. Мы не хотели оскорбить память Куигли.

– Конечно не хотели, – со слабой улыбкой проговорил Дункан. – Откуда вам было знать. Давайте, если вы кончили есть лазанью, мы вам покажем библиотеку.

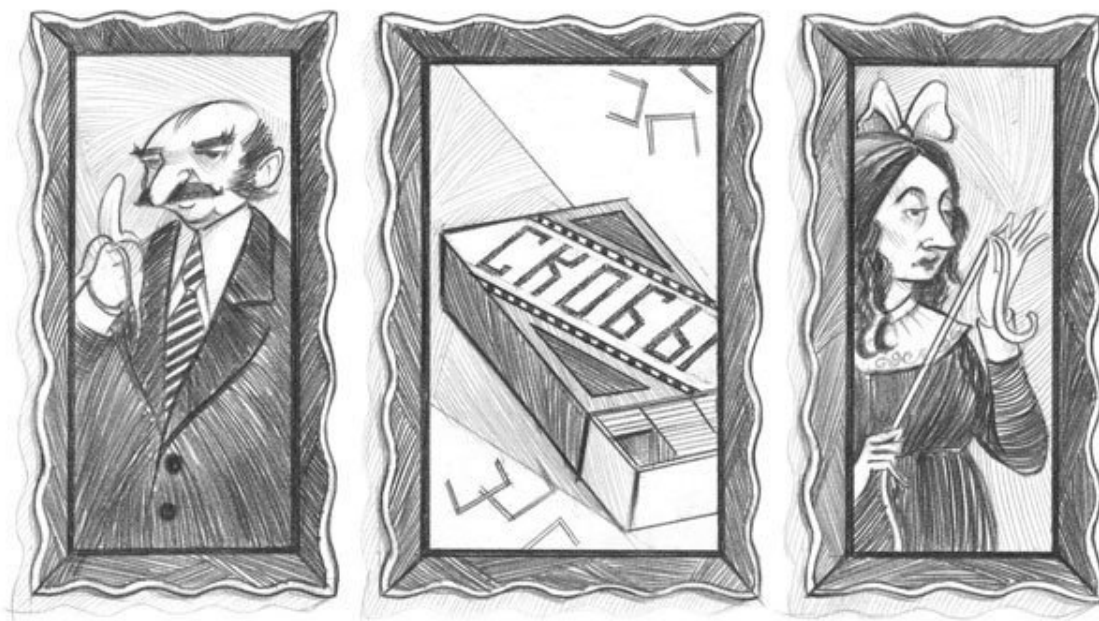
– И может, нам удастся найти какие-нибудь железки для шумных башмаков, – добавила Айседора.

Бодлеровские сироты улыбнулись, и все пятеро отнесли на место свои подносы и вышли из столовой. Библиотека оказалась очень приятным местом, и не только удобные кресла, высокие деревянные полки и тишина, соблюдаемая читателями, доставили Бодлерам радость. Бесполезно было бы описывать подробно бронзовые лампы в форме разных рыб или пробегавшую

по ярко-синим занавескам на окнах рябь, когда их колыхал ветерок. Все это было прекрасно, но не из-за этого улыбались трое Бодлеров, и тройняшки Квегмайр тоже улыбались, и хотя я не так хорошо изучил историю их жизни, как бодлеровскую, я могу достаточно определенно предположить, что Квегмайры улыбались по той же причине.

Большое утешение, когда в тяжелое, полное страхов время вдруг обретаешь надежных друзей. Именно это чувство испытывали все пятеро, когда Квегмайры водили Бодлеров по библиотеке. В обществе друзей мир становится более уютным и менее гнусным, чем он есть на самом деле, тем более если у этих друзей есть общий с вами жизненный опыт, то есть в данном случае, если близкие у них тоже погибли во время пожара и они тоже жили в Сиротской лачуге. Дункан и Айседора тихонько рассказывали Вайолет, Клаусу и Солнышку, как устроена библиотека, и постепенно неприятности, связанные с условиями их новой жизни, отступали все дальше, а к тому времени, как Дункан с Айседорой начали перечислять свои любимые книги, советуя их прочитать, Бодлерам и вовсе показалось, что их неприятности подходят к концу. Они, конечно, ошибались, но в данный момент это не имело значения. Бодлеровские сироты нашли себе друзей, и сейчас, когда они стояли с квегмайрскими тройняшками в читальном зале, мир казался им более уютным и безопасным, каким давно-давно не был.

Глава четвертая

Если вы в последнее время заходили в какой-нибудь музей посмотреть новую выставку живописи или спрятаться от полиции, то, может быть, заметили там род картин, называемый триптих. Триптих состоит из трех картин, и на каждой нарисовано разное. Мой друг профессор Рид, например, написал для меня триптих: на одной доске он изобразил пожар, на другой пишущую машинку, а на третьей – красивое и умное женское лицо. Триптих называется «Что случилось с Беатрис», и, глядя на него, я не могу удержаться от слез.

Я писатель, а не художник, но если бы я попытался нарисовать триптих под названием «Злополучная жизнь бодлеровских сирот в Пруфрокской школе», я бы изобразил на одной доске мистера Ремору, на другой – миссис Басс, а на третьей – коробку со скобками для пробивания бумаг, и в результате мне стало бы так грустно, что, глядя целыми днями то на триптих Беатрис, то на бодлеровский триптих, я бы плакал не переставая.

Мистер Ремора, учитель в классе у Вайолет, был так страшен, что Вайолет предпочла бы оставаться все утро в Сиротской лачуге и есть с завязанными сзади руками, только бы не спешить в комнату номер один и не учиться у такого отталкивающего человека. У мистера Реморы были густые черные усы, как будто ему под нос прилепили отрубленный большой палец гориллы, к тому же мистер Ремора беспрерывно жевал бананы. Банан весьма вкусный фрукт и содержит много калия, но, наблюдая, как учитель запихивает в рот банан за бананом, роняет на пол кожуру и размазывает мякоть по усам и подбородку, Вайолет возненавидела бананы. Между жевками мистер Ремора рассказывал всякие истории, а дети записывали их в записные книжки и время от времени сдавали тесты. Рассказы были очень короткие и сыпались как из рога изобилия, причем на все мыслимые темы. «Однажды я пошел в магазин за коробкой молока, – рассказывал он, жуя банан, – потом вернулся домой, налил молока в стакан и выпил. Потом стал смотреть телевизор. Конец». Или: «Как-то в середине дня человек по имени Эдвард сел в зеленый пикап и поехал на ферму. На ферме держали гусей и коров. Конец». Мистер Ремора рассказывал историю за историей и ел банан за бананом, и Вайолет все труднее было слушать. Чтобы совсем не соскучиться, Дункан садился с ней рядом и в особенно невыносимые дни они обменивались записками. Но что ухудшало положение, так это Кармелита Спатс,

которая сидела прямо за Вайолет и каждые несколько минут пригибалась вперед и тыкала Вайолет в спину прутом, подобранным на лужайке.

– Сирота, – шипела она и тыкала Вайолет в спину, и Вайолет отвлекалась и забывала записать какие-то детали последнего из рассказов мистера Реморы.

По другую сторону коридора в комнате номер два Клаусу преподавала учительница миссис Басс. Ее черные волосы были такими длинными и спутанными, что она тоже смахивала на гориллу. Учительница она была слабая, что в данном случае означает не то, что у нее «слабо развиты мышцы», а то, что она «помешана на метрической системе». Метрической, как вы, возможно, знаете, называется система, с помощью которой большая часть человечества производит измерения. Так же как никому не возбраняется съесть пару бананов, так никому не возбраняется заниматься измерениями. Клаус вспоминал, как лет в восемь, соскучившись сидеть дома в дождливый день, он измерил ширину всех дверей в бодлеровском доме. Но миссис Басс независимо от погоды хотела одного: измерять все подряд и записывать цифры на доске. Каждое утро она входила в класс номер два с сумкой, полной самых заурядных предметов: сковородка, рамка для картины, кошачий скелет – и клала по одному предмету на парту каждому ученику. «Измеряйте!» – кричала миссис Басс, и все доставали линейки и принимались измерять, что кому досталось. Потом они выкрикивали каждый свою цифру, и миссис Басс записывала их на доске, а затем по ее команде учащиеся менялись предметами. Класс занимался этим все утро, и глаза у Клауса постепенно стекленели, что в данном случае означает «слегка ныли от скуки». По другую сторону комнаты глаза Айседоры Квегмайр тоже постепенно стекленели, и порой они с Клаусом смотрели друг на друга и высовывали язык, вероятно желая сказать: «Миссис Басс жуткая зануда, правда?»

Солнышку, однако, вместо школы приходилось идти на работу в административное здание, и, должен сказать, ее положение из всех троих было, пожалуй, наихудшее. Как секретарю завуча Ниро, ей надлежало выполнять многочисленные обязанности, которые просто не под силу маленькому ребенку. Например, она должна была отвечать на телефонные звонки, но не все люди, звонившие завучу Ниро, понимали, что «Зелтепия!» – Солнышкин способ сказать: «Доброе утро, вы звоните в офис завуча Ниро, чем могу помочь?» Уже на второй день Ниро взбеленился оттого, что Солнышко привела в замешательство кучу его деловых знакомых. На Солнышке также лежала обязанность печатать на машинке, пробивать скобками разные бумаги и отправлять почтой письма завуча Ниро, то есть она должна была уметь пользоваться пишущей машинкой, степлерами и марками, хотя все это предназначено для использования взрослыми. В отличие от многих малышек Солнышко имела некоторый опыт по части тяжелой работы, как-никак вместе со своими старшими она трудилась на лесопилке «Счастливые запахи». Но теперешние орудия производства совершенно не соответствовали ее крохотным пальчикам. Ей с трудом удавалось нажать клавиши машинки, а когда удавалось, все равно она не знала, как пишется большинство слов, которые диктовал ей Ниро. Она никогда прежде не пользовалась степлером, то есть машинкой, скрепляющей бумаги скобками, поэтому иногда она нечаянно прокалывала себе пальцы, и они потом болели. А порой марка приклеивалась у нее к языку и никак не отлипала.

В большинстве школ, даже в самых плохих, учащиеся имеют возможность восстановить силы в конце недели, в так называемый уик-энд, когда можно отдохнуть и поиграть, а не только сидеть на несносных уроках. Бодлеровские сироты с нетерпением ждали случая сделать перерыв в созерцании бананов, линеек и секретарских принадлежностей. И они очень огорчились, когда в пятницу Квегмайры сообщили, что в Пруфрокской подготовительной школе уик-энда не бывает, а суббота и воскресенье, вероятно в соответствии с девизом школы, дни обычных школьных занятий. Хотя, в сущности, смысла в этом было мало: помнить, что вы умрете, одинаково легко и когда отдыхаешь, и когда сидишь на уроках. Но уж так здесь повелось, и Бодлеры скоро стали путаться в днях недели, настолько однообразен был распорядок дня.

Поэтому, уж извините, не могу сказать, в какой день недели Солнышко заметила, что запас скобок на исходе, однако могу сказать, какова была реакция Ниро: поскольку на обучение секретарским навыкам у нее ушло слишком много времени, он не станет покупать новые скобки, когда они кончатся. Солнышко сама должна изготовить их из тоненьких металлических проволочек, хранящихся у него в ящике стола.

– Какая нелепость! – воскликнула Вайолет, услышав от Солнышка о требовании Ниро.

Обед уже кончился, и Бодлеры вместе с Квегмайрами обрызгивали солью потолок в Сиротской лачуге. Вайолет раздобыла несколько обрезков металла позади столовой и сделала пять пар шумных башмаков: три для Бодлеров и две для Квегмайров, чтобы их тоже не беспокоили крабы, когда они будут навещать Сиротскую лачугу. Однако проблема светло-коричневой капающей плесени еще не была решена. С помощью Дункана Клаус нашел в библиотеке книгу о разных видах плесени и вычитал, что от соли именно этот вид сморщивается и засыхает. Квегмайры отвлекли работников столовой, уронив свои подносы на пол, и пока Ниро орал на них, ругая за устроенный кавардак, Бодлеры сунули себе в карман каждый по солонке с дырочками. Сейчас, во время короткой послеобеденной передышки, все пятеро, сидя на кипах сена, старались забросать снизу вверх плесень солью и обсуждали прошедший день.

– В самом деле возмутительно, – поддержал Клаус сестру. – И без того нелепость, что Солнышко работает секретаршей, но еще и делать самой скобки!.. С большей несправедливостью я в жизни не сталкивался!

– По-моему, скобки делают на фабриках, – заметил Дункан, листая свою зеленую книжку в поисках записей на этот счет. – Не думаю, чтобы начиная с пятнадцатого века люди делали скобки для скрепления бумаг вручную.

– Если б ты сумела утащить несколько металлических проволочек, Солнышко, – сказала Айседора, – мы все помогли бы тебе делать скобки в послеобеденное время. Впятером хлопот будет меньше. Кстати, о хлопотах. Я сейчас тружусь над стихотворением про Графа Олафа, но пока мне как-то не хватает страшных слов для его описания.

– И наверное, трудно подобрать рифму к слову «Олаф», – предположила Вайолет.

– Нелегко, – подтвердила Айседора. – Пока я придумала только «пилав», это такая еда из риса. Да и то рифма не совсем полная.

– Может, когда-нибудь тебе удастся напечатать стихи про Графа Олафа, – сказал Клаус, – и тогда все узнают, какое он чудовище.

– А я напишу про него статью в газете, – вызвался Дункан.

– Думаю, я сумею соорудить печатный станок, – сказала Вайолет. – Может быть, позже, когда достигну совершеннолетия, я смогу использовать часть бодлеровского состояния для покупки нужных материалов.

– Мы и книги сможем печатать? – оживился Клаус.

Вайолет улыбнулась. Она знала, что брат уже представляет себе, как напечатает целую библиотеку книг.

– И книги, – ответила она.

– Бодлеровское состояние? – переспросил Дункан. – Значит, ваши родители тоже оставили вам наследство? Нашим родителям принадлежали знаменитые квегмайрские сапфиры, и они уцелели при пожаре. Когда мы достигнем совершеннолетия, драгоценные камни будут принадлежать нам. И мы все вместе откроем печатное дело.

– Замечательная идея! – воскликнула Вайолет. – Мы назовем его Объединенное акционерное общество Квегмайр – Бодлер.

– Мы назовем его *Объединенное акционерное общество Квегмайр – Бодлер!*

Издевательский голос завуча Ниро раздался так неожиданно, что дети растерялись и выронили солонки на пол. В одно мгновение крошечные крабы подобрали их и утащили, так что Ниро не успел ничего заметить.

– К сожалению, должен прервать ваше важное деловое собрание, – проговорил Ниро, хотя дети видели, что он ни капли не сожалеет. – Приехал новый учитель гимнастики и хотел бы познакомиться с сиротской командой до начала моего концерта. Оказывается, сироты отличаются особо удачным строением костей или что-то в этом духе. Так вы, кажется, выразились, учитель Чингиз?

– Именно так, – отозвался высокий тощий мужчина, входя в лачугу, чтобы представиться детям. Он был в спортивных брюках и свитере, какие носят учителя гимнастики. На ногах – дорогого вида высокие кроссовки, на шее болтался блестящий серебряный свисток. Голову обертывал кусок ткани, заколотый спереди сверкающим красным драгоценным камнем. Такие головные уборы именуются тюрбаном, и некоторые носят их по религиозным мотивам. Но Вайолет, Клаус и Солнышко с одного взгляда поняли, что этот человек носит тюрбан по совершенно иной причине.

– Именно так, – повторил он. – У всех сирот ноги удивительно подходят для бега, мне не терпелось посмотреть, что за образчики ждут меня в этой лачуге.

– Дети, – приказал Ниро, – встаньте и поздоровайтесь с учителем Чингизом.

– Здравствуйтесь, учитель Чингиз, – сказал Дункан.

– Здравствуйтесь, учитель Чингиз, – сказала Айседора.

Тройняшки Квегмайр пожали костлявую руку учителю Чингизу, а затем со смущенным видом обернулись к Бодлерам. Их явно удивило, что те по-прежнему сидят на сене и во все глаза смотрят на учителя Чингиза, вместо того чтобы выполнить команду завуча Ниро. Но будь я тогда в Сиротской лачуге, я бы наверняка не удивился, и, готов поспорить на мой удостоенный премии триптих «Что случилось с Беатрис», вы бы тоже не удивились. Потому что, вероятно, как и Бодлеры, уже догадались, почему человек, называющий себя учитель Чингиз, носит тюрбан. Тюрбан закрывает волосы, что сильно меняет облик, а если к тому же надвинуть тюрбан пониже, на лоб, как сделал новый учитель, то складки ткани закроют даже брови, а в данном случае – бровь. Но тюрбан не может скрыть блестящих-блестящих глаз или их алчного зловещего выражения, с каким мужчина в тюрбане смотрел на троих, в сущности, беспомощных детей.

То, что называющий себя учителем Чингизом человек сказал про ноги сирот – будто они на редкость хорошо приспособлены для бега, – естественно, полная чепуха. Но в тот момент, когда Бодлеры глядели вверх на нового учителя гимнастики, им очень хотелось, чтобы это не было чепухой. Видя устремленные на них блестящие-блестящие глаза, бодлеровские сироты больше всего на свете хотели, чтобы ноги унесли их далеко-далеко от этого человека, который на самом деле был Граф Олаф.

Глава пятая

Слово «копировать» совсем не такое простое, как кажется. Оно необязательно значит, что вы собственноручно снимаете копию с чьей-то картины или подражаете для смеха походке своего профессора. «Копировать» – значит делать то, что до вас только что сделал другой, то

есть следовать его примеру. Если, скажем, все ваши приятели решили прыгнуть с моста в реку или океан, а вы прыгаете в ледяную воду следом за ними, вы их копируете. И можно понять, почему копировать небезопасно: можно ведь и утонуть только из-за того, что кому-то до вас пришла в голову такая идея.

Вот почему, когда Вайолет вдруг встала и сказала: «Здравствуйте, учитель Чингиз», Клаусу и Солнышку ужасно не захотелось копировать ее. Младшим Бодлерам казалось непостижимым, чтобы старшая сестра не узнала Графа Олафа, не вскочила на ноги и не открыла немедленно глаза завучу Ниро на происходящее. Клаус и Солнышко даже на миг вообразили, что Вайолет загипнотизировали, как было с Клаусом, когда они жили в Полтривилле. Но глаза у Вайолет оставались нормальными, нисколько не расширились и «Здравствуйте, учитель Чингиз» она произнесла совсем не тем тусклым голосом, каким говорил загипнотизированный Клаус. И все-таки хоть младшие Бодлеры и недоумевали, они полностью доверяли своей сестре. Ей удалось избежать брака с Графом Олафом, когда он казался неминуемым (в данном случае это означало «сулил жизнь, полную ужаса и горя»). Она, когда срочно понадобилось, изобрела отмычку, а также благодаря ее изобретательскому таланту дети спаслись от очень голодных пиявок. Вот почему Клаус и Солнышко, хотя и не понимали поведения старшей сестры, все равно верили, что у нее имеется веская причина вежливо поздороваться с Графом Олафом, а не разоблачить его на месте. Поэтому, чуть помедлив, они «скопировали» ее, иначе говоря, последовали ее примеру.

– Здравствуйте, учитель Чингиз, – сказал Клаус.

– Джифидио! – выкрикнула Солнышко.

– Приятно с вами познакомиться. – И учитель Чингиз ухмыльнулся. Бодлеры поняли, что он воображает, будто перехитрил их, и очень доволен собой.

– Ну, как по-вашему, учитель Чингиз? – осведомился Ниро. – Имеет кто-нибудь из этих сирот ноги, какие вы ищете?

Учитель Чингиз почесал тюрбан и посмотрел с высоты своего роста на детей с таким хищным выражением, будто перед ним стоял ряд вкусных блюд в салат-баре, а не пятеро сирот.

– О да, – сказал он скрипучим голосом, который до сих пор слышался Бодлерам в кошмарных снах. Костлявым пальцем он показал сперва на Вайолет, потом на Клауса и под конец на Солнышко. – Вот эти трое подходят мне как нельзя лучше. А эти двойняшки мне ни к чему.

– Мне тоже. – Ниро даже не удосужился упомянуть, что Квегмайры – тройняшки. Затем он посмотрел на часы. – Так, пора на концерт. Все идите за мной в зал, если только у вас нет желания купить мне кулек карамелей.

Бодлеровские сироты надеялись, что им никогда не придется покупать какие бы то ни было подарки своему завучу, а уж тем более карамели, которые они и сами любили и не ели давным-давно. Поэтому они пошли за Ниро через лужайку в большой зал. Квегмайры последовали их примеру и по дороге, задрав голову, разглядывали похожие на надгробия здания, которые при лунном свете выглядели еще более зловещими.

– Сегодня, – объявил Ниро, – я буду играть скрипичную сонату моего сочинения. Она продолжается не больше получаса, но я сыграю ее двенадцать раз подряд.

– Прекрасно, – одобрил учитель Чингиз. – Осмелюсь признаться, завуч Ниро, я большой поклонник вашей музыки. Ваши концерты – одна из главных причин, почему мне захотелось работать в Пруфрокской подготовительной.

– Что ж, очень приятно это слышать, – проговорил Ниро. – Не много найдется людей, которые ценят мой талант.

– Я вас понимаю, – подхватил учитель Чингиз. – Вот я, например, лучший учитель гимнастики в мире, и тем не менее в мою честь не устроили ни одного парада.

– Безобразие. – Ниро покачал головой.

Бодлеры и Квегмайры, шедшие позади взрослых, переглянулись: все эти хвастливые речи вызывали у них отвращение, но они не смели и словом обменяться, пока не добрались до зала и не сели как можно дальше от Кармелиты Спатс и ее противных друзей.

Имеется одно, и только одно преимущество у тех, кто, не умея играть на скрипке, упорно продолжает это делать. Оно состоит в том, что они зачастую играют очень громко и не слышат, как переговариваются слушатели. Конечно, весьма невежливо разговаривать во время концерта, но если игра бездарная, исполнитель никуда не годится, а концерт длится шесть часов, невежливость простительна. Так было и в тот вечер, когда завуч Ниро вышел на сцену и после короткой вступительной хвастливой речи заиграл свою сонату.

Когда слушаешь классическое музыкальное произведение, бывает забавно разгадывать, что вдохновляло композитора написать то или иное сочинение. Иногда композитор вдохновляется природой, и тогда в своей симфонии он подражает трелям птиц и шелесту деревьев. В других случаях композитора вдохновляет город, и тогда сочинение подражает звукам городского транспорта и людским шагам и голосам. Сочиняя же свою сонату, Ниро, очевидно, вспоминал, как при нем кто-то мучил кошку: музыка была громкой и визгливой, что позволяло разговаривать во время ее исполнения. Пока Ниро пиликал на скрипке, ученики Пруфрокской подготовительной школы начали переговариваться между собой. Бодлеры заметили даже, что мистер Ремора и миссис Басс, которым полагалось следить, кто из учеников должен купить для Ниро кулек карамелей, хихикают в заднем ряду и делят банан на двоих. Только учитель Чингиз, сидевший в середине переднего ряда, казалось, внимательно слушал.

– От нашего нового учителя гимнастики мурашки по коже бегут, – заметила Айседора.

– Уж это точно, – согласился Дункан. – Наверное, из-за его вороватого взгляда.

– Вороватый взгляд у него потому, – Вайолет и сама бросила вокруг вороватый взгляд, желая удостовериться, что учитель Чингиз не слышит, – потому, что на самом деле он не учитель Чингиз. И он вообще не учитель гимнастики. Он – замаскированный Граф Олаф.

– Я *знал*, что ты его узнала, – обрадовался Клаус.

– Граф Олаф?! – воскликнул Дункан. – Какой ужас! Как он напал на ваш след?

– Стыжок, – мрачно заявила Солнышко.

– Сестра хочет сказать что-то вроде: «Он нас везде находит», – разъяснила Вайолет. – Она права. Но не важно, как он нас разыскал. Главное – он здесь, и несомненно у него уже готов новый план, как украсть наше наследство.

– А почему ты сделала вид, что не узнала его? – спросил Клаус.

– Да, – подтвердила Айседора. – Если бы ты сказала завучу Ниро, что Чингиз на самом деле Граф Олаф, Ниро прогнал бы этого кексолиза, извини за грубое слово.

Вайолет покачала головой в знак того, что не согласна с Айседорой, но ничего не имеет против слова «кексолиз».

– Нет, Олаф слишком хитер, – возразила она. – Я знала: если я попытаюсь сообщить Ниро, что он не учитель гимнастики, он все равно сумеет выкрутиться, как в случае с Тетей Жозефиной, и с Дядей Монти, и с остальными.

– Верное рассуждение, – согласился Клаус. – Плюс если Олаф подумает, что одурачил нас, больше останется времени, чтобы раскусить его замыслы.

– Лерт! – дополнила Солнышко.

– Сестра имеет в виду, что мы за это время успеем осмотреться – нет ли тут его помощников, – перевела Вайолет. – Очень правильная мысль, Солнышко. Я об этом не подумала.

– У Графа Олафа есть помощники? – возмутилась Айседора. – Несправедливо, чтобы такой плохой человек имел помощников.

– И помощники не лучше, чем он сам, – добавил Клаус. – Среди них две женщины с напудренными лицами, они заставляли нас участвовать в олафовском спектакле. Потом тип с крюками вместо рук, он помог Олафу убить Дядю Монти.

– И, кроме того, не забудь, лысый, он помыкал нами на лесопилке, – напомнила Вайолет.
– Эгину! – Солнышко хотела сказать что-то вроде: «А еще помощник – не то мужчина, не то женщина».

– Что значит «эгину»? – Дункан достал записную книжку. – Я хочу записать все подробности, относящиеся к Олафу и его труппе.

– Зачем? – спросила Вайолет.

– Зачем? – переспросила Айседора. – Мы собираемся вам помочь, вот зачем! Неужели вы думаете, мы будем сидеть сложа руки и смотреть, как вы пытаетесь избежать его когтей?

– Граф Олаф очень опасен, – предупредил Клаус. – Если вы попытаетесь нам помочь, вы подвергнете свою жизнь опасности.

– Ну и что? – заявил Дункан, хотя, с сожалением должен сказать, Квегмайрам как раз следовало бояться, и еще как бояться. Дункан с Айседорой вели себя очень храбро и жаждали помочь бодлеровским сиротам. Но храбрость часто обходится дорого, и за нее приходится платить. Речь идет, разумеется, не о каких-нибудь пяти долларах. Речь идет о гораздо, гораздо более высокой цене, такой страшной, что я даже не хочу сейчас об этом говорить, а хочу вернуться к описываемой сцене.

– Не беспокойтесь, – сказал Дункан. – Сейчас нам нужно выработать план. Мы должны доказать завучу Ниро, что учитель Чингиз на самом деле Граф Олаф. Как нам это сделать?

– У Ниро есть компьютер, – задумчиво произнесла Вайолет. – Ниро показывал нам на экране небольшое изображение Олафа, помните?

– Да. – Клаус покачал головой. – Он сказал нам, что усовершенствованная компьютерная система не допустит сюда Олафа. Вот вам и компьютер.

Солнышко закивала в знак согласия. Вайолет подняла ее и посадила себе на колени. Ниро дошел до особенно визгливой части сонаты, и детям пришлось пригнуться друг к другу поближе, чтобы продолжать разговор.

– Если пойти к Ниро прямо с утра, – сказала Вайолет, – мы успеем поговорить с ним наедине, без Олафа. Мы попросим его заглянуть в компьютер. Нас Ниро может не послушать, но компьютер-то должен хотя бы убедить его проверить личность учителя Чингиза.

– Может, Ниро заставит Олафа снять тюрбан, – предположила Айседора, – и тогда обнаружится одна-единственная бровь.

– Или снять дорогие кроссовки, – добавил Клаус, – и тогда обнаружится татуировка.

– Но если вы поговорите с Ниро, – заметил Дункан, – учитель Чингиз будет знать, что вы его подозреваете.

– Да, и поэтому нам надо быть сверхосторожными, – сказала Вайолет. – Необходимо, чтобы Ниро узнал про Олафа, но Олаф не узнал про нас.

– А пока, – заявил Дункан, – мы с Айседорой проведем свое расследование. Может, нам удастся обнаружить кого-то из олафовских помощников, которых вы описали.

– Это очень бы пригодилось, – одобрила Вайолет, – но только если вы твердо уверены, что хотите нам помочь.

– Не будем больше об этом говорить. – И Дункан похлопал Вайолет по руке. И больше они об этом не говорили. Они не говорили о Графе Олафе в продолжение всей сонаты Ниро, и потом, когда он играл ее во второй раз, и в третий, и в четвертый, и в пятый, и даже в шестой, и тем временем стало совсем-совсем поздно.

А бодлеровские сироты и тройняшки Квегмайр просто сидели и наслаждались теплом дружеского общения. У слов этих много смыслов, но все имеют отношение к счастью. Хотя, казалось бы, трудно быть счастливым, когда слушаешь жуткую сонату, вновь и вновь исполняемую человеком, который не умеет играть на скрипке, когда находишься в жутком интернате, а неподалеку сидит злодей, без сомнения замышляющий что-то злодейское. Но счастливые моменты в жизни Бодлеров случались редко и к тому же неожиданно, и дети научились

ценить это. Дункан не снимал своей руки с руки Вайолет и рассказывал ей о невыносимых концертах, на которых бывал когда-то, при жизни родителей, и Вайолет была счастлива, слушая его рассказы. Айседора начала сочинять стихотворение про библиотеку и показала Клаусу то, что успела записать в свою черную книжку, и Клаус был счастлив внести кое-какие поправки. А Солнышко, прикорнув на коленях у Вайолет, кусала подлокотник кресла и была счастлива оттого, что кусает что-то по-настоящему твердое.

Не сомневаюсь, вы и сами догадываетесь, без моего предупреждения, что у Бодлеров скоро все пойдет еще гораздо хуже, но я хочу закончить эту главу в момент дружеского общения и не стану забегать вперед, к неприятным событиям следующего утра, или к дальнейшим тяжким испытаниям, или к ужасному преступлению, знаменующему конец пребывания Бодлеров в Пруфрокской подготовительной школе. Разумеется, впоследствии все это будет иметь место, и ни к чему притворяться, будто этого не случилось. Но давайте на минутку забудем об отвратительной сонате, о кошмарных учителях, о противных учениках, любящих дразниться, и о еще более злосчастных событиях, которые скоро произойдут. Насладимся этим кратким мгновением душевного тепла, испытываемого Бодлерами от дружеского общения с тройняшками Квегмайр, а что касается Солнышка – от общения с подлокотником. Давайте насладимся в конце этой главы последним счастливым моментом, какой еще очень, очень не скоро выдастся всем этим детям.

Глава шестая

Ныне Пруфрокской подготовительной школы не существует. Ее закрыли много лет назад, после того как миссис Басс арестовали за ограбление банка. И если бы вам довелось заглянуть туда сейчас, вас встретили бы пустота и тишина. Если бы вы дошли до лужайки, то не увидели бы бегающих детей, как в день прибытия Бодлеров. Если бы прошли под стенами здания, где помещались школьные классы, то не услышали бы монотонного голоса мистера Реморы, рассказывающего одну из своих историй, а если бы приблизились к зданию, где находился большой зал, то не услышали бы визга и скрежета скрипки, на которой играл завуч Ниро. И если бы вы встали под аркой и взглянули вверх на черные буквы, из которых складывалось название

школы и ее изуверский (слово, означающее здесь «суровый и жестокий») девиз, то услышали бы только шелестящее «ш-ш-ш» ветерка, пробегающего по бурой клочковатой траве.

Короче говоря, если бы вы посетили Пруфрокский интернат сегодня, он выглядел бы примерно так же, как в то раннее утро, когда Бодлеры проснулись, встали и отправились в административное здание поговорить с Ниро об учителе Чингизе. Дети так хотели поговорить с ним, что специально встали как можно раньше, и когда пересекали лужайку, вид у нее был такой, будто остальное население интерната ночью сбежало и оставило сирот одних посреди похожих на надгробия зданий. Ощущение от всего этого было жутковатое, и потому Вайолет и Солнышко прямо вздрогнули, когда Клаус рассмеялся, внезапно нарушив тишину.

– Что тебя так насмешило? – осведомилась Вайолет.

– Мне вдруг пришло кое-что в голову. Мы ведь идем в административное здание без разрешения. Значит, нам придется есть без ложки и без вилки.

– Что тут смешного! – запротестовала Вайолет. – А если на завтрак дадут овсянку? Будем есть руками?

– Уут, – успокоила ее Солнышко. Она хотела сказать: «Поверь мне, не так уж это и трудно». Отчего обе сестры присоединились к хохочущему брату.

Ничего веселого в жестоких наказаниях, назначаемых Ниро, конечно, не было, но при мысли о том, что они будут есть овсянку руками, всем троим стало ужасно смешно.

– Или яичницу! – высказала новое предположение Вайолет. – А вдруг дадут глазунью с жидкими желтками?

– Или блинчики в сиропе! – добавил Клаус.

– Суп! – выкрикнула Солнышко, и все трое опять покатались со смеху.

– А помните пикник? – сказала Вайолет. – Мы собирались на реку Рутабага, и папа до того захлопотался, что забыл взять ложки, вилки и ножи!

– Конечно помню, – подтвердил Клаус. – Мы потом ели кисло-сладкий соус из креветок руками.

– Липко. – Солнышко вытянула руки ладонями кверху.

– Еще бы, – подтвердила Вайолет. – Мы ходили к реке мыть руки, и я нашла чудное место, чтобы испробовать удочку, которую я сама изобрела.

– А я собирал с мамой чернику, – вспомнил Клаус.

– Эру-у, – добавила Солнышко, что значило примерно: «А я кусала камешки».

Как только они стали вспоминать тот день, им расхотелось смеяться. В сущности, это происходило не очень давно, но уже казалось далеким прошлым. После того как случился пожар, дети, разумеется, знали, что родителей нет в живых, но им чудилось, будто те куда-то уехали и скоро вернутся. Но сейчас, когда они вспоминали, как солнце играло на поверхности реки Рутабага, как родители потешались над ними, когда все трое перемазались кисло-сладким соусом из креветок, тот пикник отошел в такую даль, что они поняли наконец: родители не вернутся уже никогда.

– Но может быть, нам удастся вернуться туда, – тихонько проговорила Вайолет. – Может, мы еще побываем на той реке и будем опять удить рыбу и собирать чернику.

– Возможно, – согласился Клаус. Однако все Бодлеры знали: если когда-нибудь они и вернутся на реку Рутабага (кстати, у них не получилось), все равно это будет уже не то. – Возможно, и вернемся. Но сейчас главное – поговорить с Ниро. Вот и административное здание.

Бодлеры со вздохом вошли внутрь, пожертвовав своим правом пользоваться серебряными ложками и вилками. Они поднялись по лестнице на девятый этаж и постучались в дверь кабинета Ниро, удивляясь, что не слышат звуков скрипки.

– Входите, раз уж очень надо, – послышался голос, и сироты вошли.

Ниро стоял спиной к двери и, глядя в свое отражение в оконном стекле, перевязывал резинкой одну из косичек. Покончив с этим занятием, он поднял обе руки вверх.

– Дамы и господа! – провозгласил он. – Завуч Ниро!

Дети послушно зааплодировали. Ниро резко обернулся.

– Я ждал аплодисментов только одного человека, – сурово сказал он. – Вайолет и Клаус, вам входить сюда не полагается. И вам это известно.

– Просим прощения, сэр, – произнесла Вайолет. – Нам необходимо с вами поговорить кое о чем важном.

– *Нам необходимо с вами поговорить кое о чем важном*, – как всегда, передразнил Ниро в своей противной манере. – Наверное, это действительно что-то очень важное, если вы пожертвовали своим правом пользоваться серебряными столовыми приборами. Ну, давайте же говорите. Мне надо готовиться к следующему концерту, не тратьте мое время попусту.

– Мы не займем много времени, – пообещал Клаус и остановился. Иногда бывает полезно остановиться, когда нужно подбирать слова с большой осторожностью. – Нас беспокоит, – продолжил он, очень, очень осторожно подбирая слова, – не пробрался ли уже Граф Олаф в Пруфрокскую школу.

– Чепуха, – отрезал Ниро. – А теперь уходите и дайте мне репетировать.

– Не обязательно чепуха, – не отступала Вайолет. – Олаф – мастер перевоплощений. Он может быть тут, у нас под носом, а мы и не догадываемся.

– Лично у меня под носом только мой рот, – возразил Ниро, – и он велит вам уйти.

– Графом Олафом может оказаться мистер Ремора, – высказал предположение Клаус. – Или миссис Басс.

– Мистер Ремора и миссис Басс преподают здесь больше сорока семи лет, – отмахнулся Ниро. – Я бы уж знал, что кто-то из них замаскирован.

– А как насчет работников столовой? – спросила Вайолет. – Они никогда не снимают металлических масок.

– Они носят их в целях безопасности. У вас, у сопляков, какие-то все дурацкие идеи. Ты, чего доброго, скажешь, будто Граф Олаф выдает себя за твоего дружка, ну, как его, тройняшку. Вайолет покраснела.

– Дункан Квегмайр вовсе не мой дружок, – ответила она, – и он не Граф Олаф.

Но Ниро так увлекся своими идиотскими шутками, что не слышал.

– Как знать? – сказал он и опять засмеялся. – Хи-хи-хи. Может, он выдает себя за Кармелиту Спатс?

– Или за меня! – раздался у дверей голос.

Бодлеры резко обернулись и увидели учителя Чингиза с красной розой в руке и свирепым выражением глаз.

– Или за вас! – подхватил Ниро. – Хи-хи-хи. Вообразите, что этот тип Олаф притворяется лучшим учителем гимнастики в стране.

Клаус смотрел на учителя Чингиза и перебирал в уме все беды, которые тот причинил в обличье Стефано, ассистента Дяди Монти, и в обличье Капитана Шэма или Ширли и под всеми другими фальшивыми именами. Клаусу нестерпимо хотелось сказать: «Вы и есть Граф Олаф!» Но он понимал, что, если они притворятся, будто ему удалось их одурачить, им легче будет раскрыть его планы, какими бы они ни были. Поэтому Клаус прикусил язык, то есть попросту промолчал. Он не стал кусать себе язык, а раскрыл рот и рассмеялся.

– Вот смех! – солгал он. – Представляете, если бы вы и вправду были Графом Олафом! Забавно, да, учитель Чингиз? Ведь тогда ваш тюрбан был бы маскарадом!

– Мой тюрбан? – переспросил учитель Чингиз. Свирепое выражение глаз исчезло, он решил (и, разумеется, был не прав), что Клаус шутит. – Маскарад? Хо-хо-хо!

– Хи-хи-хи! – вторил ему Ниро.

Вайолет и Солнышко сразу смекнули, куда клонит Клаус, и решили ему подыграть.

– Ой, правда, учитель Чингиз, – воскликнула Вайолет, как будто тоже шутила, – снимите тюрбан, покажите вашу единственную бровь, не прячьте ее! Ха-ха-ха!

– Ну вы и шутники! – вскричал Ниро. – Да вы все трое прямо профессиональные комики!

– Воносок! – выкрикнула Солнышко с деланой улыбкой, обнажившей все ее четыре зуба.

– Ах да, – поддержал ее Клаус. – Солнышко права! Будь вы действительно переодетый Граф Олаф, ваши кроссовки закрывали бы татуировку!

– Хи-хи-хи! – засмеялся Ниро. – Ну прямо три клоуна!

– Хо-хо-хо! – произнес Граф Олаф.

– Ха-ха-ха! – Вайолет даже стало подташнивать от своего ненатурального смеха. Глядя вверх на Чингиза и улыбаясь изо всех сил, так что зубы заныли, она привстала на цыпочки и потянулась к тюрбану. – Сейчас возьму и сорву, – сказала она, притворяясь будто шутит, – и покажу вашу единственную бровь!

– Хи-хи-хи. – Ниро затряс косичками от смеха. – Вы прямо как три дрессированные обезьянки!

Клаус присел на корточки и схватил Чингиза за ногу.

– А я сейчас сниму с вас кроссовки, – сказал он как будто по-прежнему в шутку, – и покажу татуировку!

– Хи-хи-хи! – закатился Ниро. – Вы прямо как три...

Бодлерам не пришлось узнать, кто они такие на этот раз: учитель Чингиз вытянул свои длинные руки и схватил одной рукой Клауса, а другой – Вайолет.

– Хо-хо-хо, – сказал он и внезапно перестал смеяться. – Я, разумеется, не могу снять кроссовки, – голос его вдруг сделался серьезным, – я только что бегал, и ноги у меня вспотели. А тюрбан я не могу снять по религиозным причинам.

– Хи-хи... – Ниро оборвал смех и тоже посерьезнел. – Ну что вы, учитель Чингиз. Мы бы ни за что не заставили вас нарушить религиозные обычаи, а запах от ваших ног мне в кабинете совершенно ни к чему.

Вайолет сделала еще одну попытку коснуться тюрбана, а Клаус потянулся к кроссовке зловредного учителя, но тот крепко держал их обоих.

– Черт! – выпалила Солнышко.

– Шутки кончены! – заявил Ниро. – Спасибо, дети, за то, что развлекли меня с утра пораньше. До свидания, желаю приятного завтрака без серебряных ложек и вилок! Так, а вы, учитель Чингиз? Чем могу служить?

– Ничем, Ниро, – проговорил Чингиз. – Мне просто захотелось поднести вам розу вместо подарка от благодарного слушателя за вчерашний чудесный концерт!

– Ах, спасибо. – Ниро принял розу и с наслаждением втянул аромат. – Вчера я действительно был в ударе, не правда ли?

– Само совершенство, – отозвался Чингиз. – Когда вы играли сонату первый раз, она меня глубоко растрогала. На второй раз у меня на глазах выступили слезы. На третий я рыдал. На четвертый я просто не мог совладать с обуревавшими меня чувствами. На пятый...

Что произошло дальше, Бодлеры не слышали, потому что за ними захлопнулась дверь. Дети обменялись удрученными взглядами. Они чуть-чуть не разоблачили учителя Чингиза, но чуть-чуть не считается. Молча они побрели в сторону столовой. Очевидно, Ниро уже успел позвонить работникам в металлических масках, так как Вайолет и Клаус не получили серебряных ложек и вилок, когда подошла их очередь. В Пруфрокской подготовительной школе, правда, не давали на завтрак овсянку, но и перспектива есть яичницу-болтунью руками тоже не порадовала Вайолет и Клауса.

– Пусть тебя это не волнует, – утешила ее Айседора, когда Бодлеры с унылым видом уселись рядом с Квегмайрами. – Мы с Клаусом будем есть по очереди моей вилок, а ты, Вайолет, можешь меняться с Дунканом. Расскажите, как там все происходило у Ниро в кабинете.

– Не очень удачно, – призналась Вайолет. – Слишком скоро появился учитель Чингиз, и мы старались не показывать вида, что на самом деле узнали его.

Айседора достала из кармана записную книжку и прочла вслух:

Какой бы был прекрасный миг —
Чингиз попал под грузовик.

– Я только что написала. Толку от этого, наверное, мало, но я подумала, что вам будет приятно послушать.

– Очень приятно, – заверил ее Клаус. – И это вправду была бы большая удача. Но рассчитывать на это не приходится.

– Ничего, придумаем что-нибудь другое. – И Дункан протянул вилку Вайолет.

– Надеюсь, что придумаем, – согласилась Вайолет. – Граф Олаф имеет привычку быстро приводить в исполнение свои злодейские планы.

– Козбал! – крикнула Солнышко.

– Солнышко хочет сказать: «У меня есть план»? – спросила Айседора. – Я пытаюсь понять, на каком принципе основана ее манера говорить.

– Я думаю, она скорее хочет сказать: «Вон идет Кармелита Спатс». – Клаус кивком указал на другой конец столовой.

И в самом деле, прямо к ним направлялась Кармелита Спатс, самодовольно улыбаясь во весь рот.

– Привет, кексолизы, – сказала она. – Передаю поручение от учителя Чингиза. Теперь я буду его личным посыльным, потому что я самая сообразительная, самая хорошенькая и самая приятная девочка в школе.

– Ох, перестань хвастаться, Кармелита, – оборвал ее Дункан.

– Тебе просто завидно, что учителю Чингизу я нравлюсь больше, чем ты, – огрызнулась Кармелита.

– Меня совершенно не интересует учитель Чингиз, – сказал Дункан. – Давай говори, какое поручение, и исчезни.

– Такое: трем бодлеровским сиротам следует явиться сегодня вечером на лужайку сразу после обеда.

– После обеда? – удивилась Вайолет. – Но ведь после обеда мы обязаны идти на скрипичный концерт.

– Ну а приказ учителя Чингиза такой, – настаивала Кармелита. – Он сказал, если не явитесь, вас ждут большие неприятности. Так что будь я Вайолет, я бы...

– Но ты, слава богу, не Вайолет, – прервал Дункан. Конечно, прерывать говорящего не очень-то вежливо, но иногда, если говорящий вам очень не нравится, удержаться трудно. – Спасибо за сообщение и до свидания.

– Полагается, – не отставала Кармелита, – дать личному посыльному на чай, когда он доставляет сообщение.

– Если ты сейчас же не оставишь нас в покое, – вмешалась Айседора, – я тебе яичницу нахлобучу на голову.

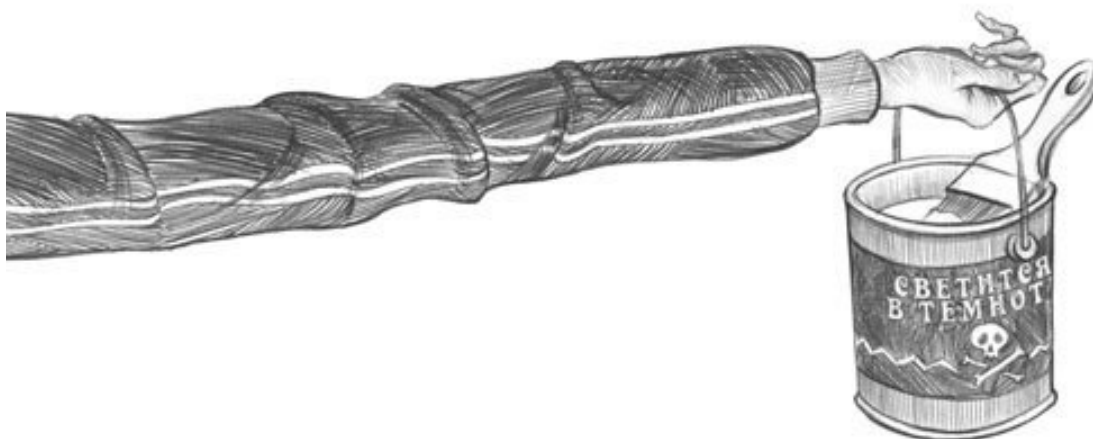
– Ты просто завистливая кексолизка, – фыркнула Кармелита, но отстала от Бодлеров и Квегмайров.

– Не волнуйтесь, – ободрил Дункан Бодлеров, удостоверившись, что Кармелита уже не может их слышать. – Сейчас еще утро. У нас весь день впереди, что-нибудь придумаем. Давай, Вайолет, возьми еще яичницы.

– Нет, спасибо, – отозвалась Вайолет. – У меня что-то нет аппетита.

И это было понятно. Ни у кого из Бодлеров не было аппетита. Они вообще не очень-то жаловали яичницу-болтунью, особенно Солнышко, она предпочитала твердую пищу, в которую можно вонзить зубы. Но сейчас отсутствие аппетита не имело отношения к яичнице. Оно, естественно, имело отношение к учителю Чингизу и полученному приказу. Детям не давали покоя мысли о предстоящем свидании с ним на лужайке после обеда, причем абсолютно наедине. Дункан был прав, говоря, что сейчас утро и впереди у них целый день и можно успеть что-то придумать. Но Бодлеры чувствовали себя совсем не по-утреннему. Вайолет, Клаус и Солнышко сидели за столом, не в силах проглотить ни кусочка, и им казалось, что солнце уже село. Им казалось, что уже наступил вечер и учитель Чингиз ждет их. Было еще только утро, но бодлеровским сиротам казалось, что они уже в его лапах.

Глава седьмая

Тот день в школе был особенно изуверским. В данном случае это означает, что рассказы мистера Реморы были особенно скучны, одержимость миссис Басс метрической системой особенно невыносима, а административные требования Ниро особенно трудны. Но всего этого Вайолет, Клаус и Солнышко как-то не замечали. Всякий, кто, не зная Вайолет, увидел бы, как она сидит за партой с подвязанными лентой волосами, чтобы не лезли в глаза, мог бы решить, что она внимательным образом слушает. Однако мысли ее бродили далеко-далеко от скучных историй мистера Реморы. А завязала она волосы, конечно, для того, чтобы сосредоточить свой острый изобретательский ум на стоящей перед ними проблеме, и ей не хотелось уделять ни капли внимания жующему бананы человеку, который болтал тут перед ними.

Миссис Басс принесла в свой класс коробку карандашей и заставила учеников сравнивать – какой из карандашей короче или длиннее других. Если бы миссис Басс не была так занята хождением по комнате с криком «Измеряйте!», она могла бы, взглянув на Клауса, решить, что он разделяет ее страсть к измерению, – так сосредоточен был его взгляд. Но в то утро Клаус работал на автопилоте, что в данном случае означало «измерял карандаши машинально, не думая». Прикладывая к линейке один карандаш за другим, он перебирал в уме прочитанные им книги, которые могли бы оказаться полезными в теперешней ситуации.

И если бы завуч Ниро перестал упражняться на скрипке и бросил взгляд на свою малолетнюю секретаршу, он бы счел, что она трудится изо всех сил, запечатывая продиктованные им письма в разные кондитерские фирмы с жалобами на плохое качество карамелей. Но хотя Солнышко печатала на машинке, пробивала степлером бумаги и наклеивала марки со всей возможной быстротой, думала она совсем не о канцелярских принадлежностях, а о предстоящей вечерней встрече с учителем Чингизом и о том, что бы им такое еще предпринять.

Квегмайры, непонятно почему, отсутствовали во время ланча, так что Бодлерам пришлось все-таки есть руками. Отправляя в рот пригоршнями спагетти и стараясь есть как можно опрятнее, трое детей так напряженно думали, что почти не разговаривали. Но и без разговоров было понятно, что им не удалось разгадать план учителя Чингиза и они не изобрели никакого способа избежать встречи с ним на лужайке, а встреча между тем все приближалась с каждой горстью спагетти.

Вторую половину дня Бодлеры провели примерно так же: игнорируя рассказы мистера Реморы, карандаши миссис Басс и убывающий запас скобок для скрепления бумаг. И даже во время гимнастического часа (один из Кармелитиных хвастливых друзей оповестил Бодлеров, что уроки Чингиза начнутся со следующего дня, а пока все будут бегать как обычно) трое

Бодлеры носились по лужайке в полном молчании, сосредоточив все свои умственные силы на поисках выхода из создавшегося положения.

Бодлеры так притихли и так глубоко задумались, что за обедом, когда Квегмайры неожиданно уселись за стол напротив них и одновременно выпалили: «Мы решили вашу проблему», Бодлеры испытали испуг, а не облегчение.

– Ух, – проговорила Вайолет, – как вы меня напугали.

– А я думал, вы почувствуете облегчение, – сказал Дункан. – Вы не расслышали? Мы решили вашу проблему.

– Мы испугались, но одновременно почувствовали облегчение, – ответил Клаус. – Как это – решили проблему? Мы с сестрами весь день над ней бились, но ничего не придумали. Мы же не знаем, что именно затевает учитель Чингиз, хотя ясно: что-то затевает. И мы не знаем, как избежать свидания с ним после обеда, хотя уверены, что он выкинет что-то ужасное.

– Сперва я подумала, что он просто хочет похитить нас, – сказала Вайолет, – но тогда зачем ему маскироваться?

– А я сперва подумал, не позвонить ли все-таки мистеру По, – подхватил Клаус, – рассказать, что здесь происходит. Но если Графу Олафу удалось одурачить усовершенствованный компьютер, то что ему стоит одурачить обыкновенного банковского служащего?

– Ториша! – согласилась Солнышко.

– Мы с Дунканом тоже весь день ломали себе над этим голову, – сказала Айседора. – Я исписала в записной книжке пять с половиной страниц – все идеи, которые приходили в голову, а Дункан исписал три страницы.

– У меня почерк мельче, – объяснил Дункан, протягивая свою вилку Вайолет, чтобы она в свой черед съела кусок мясного рулета, который они получили на обед.

– Перед самым ланчем мы сверили записи, – продолжала Айседора, – и у нас совпала одна идея. Тогда мы потихоньку ускользнули и привели наш план в действие.

– Поэтому нас и не было за ланчем, – добавил Дункан. – Как видите, у нас лужицы питья на подносах вместо стаканов.

– Можете воспользоваться нашими, – Клаус протянул стакан Айседоре, – вы же делитесь с нами ложками и вилками. И в чем состоит ваш план? Как вы привели его в действие?

Дункан и Айседора с улыбкой переглянулись и пригнулись поближе к Бодлерам, чтобы никто не подслушал.

– Мы заклинили заднюю дверь зала, чтобы она не закрывалась, – торжествующе выпалил Дункан, и они с сестрой, довольные, откинулись на спинки стульев.

Однако Бодлеры не разделяли их торжества. Они пришли в замешательство: им не хотелось обижать обоих друзей, которые ради них нарушили правила и пожертвовали стаканами, но и не могли взять в толк, каким образом заклиненная дверь решает их проблемы.

– Извините, – сказала, помолчав, Вайолет, – но все-таки как заклиненная дверь может избавить нас от неприятностей?

– Как? Тебе не понятно? – удивилась Айседора. – Мы сегодня сядем в заднем ряду и, как только Ниро заиграет, выйдем на цыпочках из зала и прокрадемся на лужайку. Таким образом мы сможем наблюдать за вами и учителем Чингизом. Если случится что-то нехорошее, мы бросимся назад и оповестим завуча Ниро.

– Замечательный план, правда? – сказал Дункан. – Я очень горжусь собой и сестрой, хоть и нескромно так говорить.

Бодлеры с сомнением посмотрели друг на друга. Им не хотелось огорчать друзей и критиковать их план, тем более что сами Бодлеры ни до чего не додумались. Но Граф Олаф был таким хитрым и таким злобным, что бодлеровская тройка не сочла заклиненную дверь и тайную слежку за Олафом лучшим способом защиты от его коварных происков.

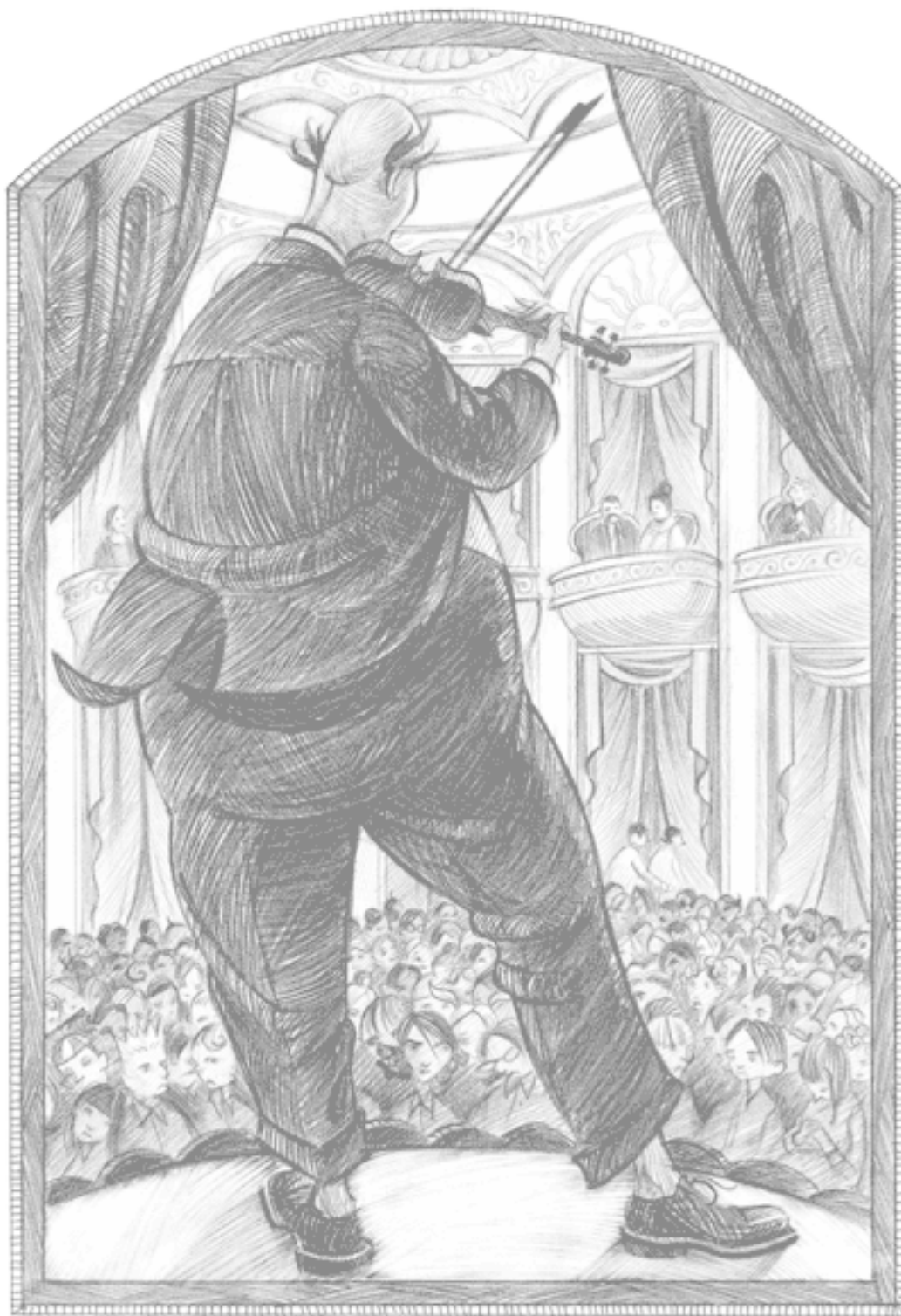
– Мы очень ценим, что вы стараетесь решить наши проблемы, – мягко сказал Клаус, – но Граф Олаф коварен, как никто. У него всегда что-то есть про запас. Мне бы не хотелось, чтобы вы из-за нас рисковали.

– Не говори ерунды, – твердо сказала Айседора, сделав глоток из стакана Вайолет. – Рискуете вы, а мы обязаны вам помочь. Мы не боимся Олафа. Я уверена, что план наш очень удачен.

Бодлеры снова переглянулись. Довольно храбро со стороны Квегмайров было не бояться Олафа и быть уверенными в своем плане, но трое Бодлеров очень сомневались, правильно ли проявлять такую храбрость. Олаф был настолько подлым субъектом, что благоразумнее представлялось бояться его. При этом он сорвал столько бодлеровских замыслов, что быть до такой степени уверенными в своем плане в данном случае казалось не очень умно. Однако Бодлеры были так признательны друзьям за их старания, что не стали больше ничего говорить на эту тему. В последующие годы бодлеровские сироты не раз жалели, что не стали тогда больше ничего говорить, но сейчас они закончили с Квегмайрами обед, попеременно передавая друг другу вилки и стаканы и стараясь разговаривать о чем-нибудь другом. Они обсудили разные проекты по улучшению Сиротской лачуги, и какие еще исследования можно провести в библиотеке, и как быть с проблемой скобок, запас которых быстро иссякал, и не заметили, как прошел обед. Квегмайры поспешили на концерт, пообещав ускользнуть при первом удобном случае, а Бодлеры покинули столовую и направились к лужайке.

В закатном солнечном свете перед детьми на бурую траву легли их длинные-длинные тени, как будто Бодлеров растягивал какой-то страшный механизм. Они глядели на свои тени, казавшиеся плоскими, как листки бумаги, и с каждым шагом все сильнее становилось желание делать что-нибудь другое, все, что угодно, только не встречаться на лужайке с учителем Чингизом наедине. Лучше бы идти все дальше и дальше, под арку, через лужайку, наружу, в мир. Но куда им деваться? Трое сирот были совершенно одиноки. Родители умерли. Банковский попечитель чересчур занят, и ему не до них. Единственные их друзья – двое таких же, как они, сирот – сейчас, как очень надеялись Бодлеры, уже успели улизнуть из зала и следят за тем, как Бодлеры приближаются к одинокой фигуре учителя Чингиза, нетерпеливо поджидающего их на краю лужайки. Угасающий закатный свет (слово «угасающий» означает здесь «неясный, делающий все вокруг особенно зловещим») превратил тень от учительского тюрбана в огромную глубокую дыру.

– Опаздываете, – прокрипел Чингиз.

Подойдя ближе, дети увидели, что он держит обе руки за спиной, как будто прячет что-то.
– Вам было велено явиться сюда сразу после обеда, а вы пришли позже.
– Извините нас, – сказала Вайолет, вытягивая шею и пытаясь подглядеть, что там у него за спиной. – Без ложек и вилок мы ели дольше.
– Будь вы посообразительнее, – проворчал Чингиз, – одолжили бы у ваших друзей.

– Нам это не пришло в голову. – Когда приходится отчаянно лгать, в желудке от чувства вины нередко начинается дрожь, и сейчас Клаус почувствовал, что у него внутри все дрожит. – Какой вы все-таки умный, – добавил он.

– Я не только умный, – поправил Чингиз, – но и очень сообразительный. Итак, за работу. Даже такие тупицы, как вы, наверняка не забыли, что я говорил про сирот – что у них строение костей отлично подходит для бега. Вот почему вам предстоит выполнять Особые Сиротские Пробежки Аллюром³, или, сокращенно, ОСПА.

– Уладу! – вскрикнула Солнышко.

– Моя сестра хочет сказать: «Как увлекательно!» – разъяснила Вайолет, хотя на самом деле «уладу» означало: «Хорошо бы знать, Чингиз, что вы на самом деле затеваете».

– Меня радует ваш энтузиазм, – одобрил Чингиз. – В некоторых случаях он восполняет нехватку мозгов.

Он вынул из-за спины руки, и дети увидели, что он держит большую жестянку и длинную колючую кисть. Из открытой банки струилось белое призрачное сияние.

– Так, прежде чем начать ОСПА, требуется сделать дорожку. Это фосфоресцирующая краска, то есть она светится в темноте.

– Как интересно, – пробормотал Клаус, который уже два с половиной года знал, что значит «фосфоресцирующая».

– Ну раз тебе так интересно, – глаза у Чингиза светились не хуже краски, – получай кисть. Держи. – И он сунул длинную колючую кисть Клаусу в руки. – А вы, девицы, держите банку с краской. Вы должны нарисовать на траве большой круг, чтобы видеть беговую дорожку, когда побежите. Ну, давайте, чего вы ждете?

Бодлеры переглянулись. Ждали они, естественно, того, чтобы Чингиз объяснил, для чего вся эта затея с краской, кистью и нелепыми Особыми Сиротскими Пробежками Аллюром. Но они рассудили, что лучше поступать, как велит Чингиз. Нарисовать большой светящийся круг на лужайке казалось вроде бы не очень опасным, поэтому Вайолет взяла банку с краской, а Клаус окунул в нее кисть и начал рисовать большой круг. Солнышко на время оставалась, если можно так выразиться, пятым колесом в колеснице, иначе говоря, «ничем, собственно, не могла помочь», но она поползла рядом с братом и сестрой, оказывая им моральную поддержку.

– Больше! – заорал Чингиз из темноты. – Шире!

Следуя его указаниям, Бодлеры стали рисовать круг больше и шире и всё удалялись от Чингиза, оставляя на траве светящуюся кривую линию. Они вглядывались в вечерний полумрак, думая, где же прячутся тройняшки Квегмайр и удалось ли им вообще сбежать с концерта. Но вот солнце зашло, и единственное, что они видели, был ярко светящийся круг на лужайке, неясная фигура Чингиза и белевший в темноте тюрбан, который казался плывущим в воздухе черепом.

– Больше! Шире! Впрочем, ладно, хватит, и так большой и широкий. Заканчивайте здесь, где я стою. Поторопитесь!

– А что мы в действительности делаем? – шепнула Вайолет брату.

– Не знаю, – ответил Клаус. – Я прочел всего пару книг про краску. Знаю, что краска бывает ядовитой и может вызвать осложнения при родах. Но ведь Чингиз не заставляет нас есть краску, и ты не беременна, так что не представляю, что все это значит.

Солнышку хотелось добавить: «Гаргаба!» – что означало: «Может быть, фосфоресцирующая краска служит каким-то световым сигналом?», но Бодлеры уже завершили круг и оказались так близко к Чингизу, что разговоры пришлось прекратить.

³ Аллюр – способ бега лошади.

– Пожалуй, достаточно, сироты. – Чингиз выхватил у них кисть и жестянку с краской. – Так, теперь займите места на стартовой линии и, когда я свистну в свисток, бегите по кругу, пока я не скамандую «Стой!».

– Что-о-о?! – вырвалось у Вайолет.

Как вам, я уверен, известно, на свете существует два типа «что?». Первый просто означает: «Простите, я не расслышал. Будьте добры, повторите». Второй тип более сложный и означает что-то вроде: «Простите, я расслышал, что вы сказали, но не могу поверить своим ушам». Вот этот тип «что?» и употребила Вайолет. Она стояла рядом с Чингизом и несомненно слышала, что изрек вонючий рот этого гадкого субъекта. Но ей не поверилось, чтобы Чингиз собирався просто тренировать их на беговой дорожке. Он был до такой степени подлый и гадкий, что старшая из Бодлеров просто не могла допустить, чтобы злодейский план состоял всего лишь в обыкновенных гимнастических упражнениях.

– *Что-о-о?!* – повторил издевательским тоном Чингиз. Он, видимо, копировал Ниро, иначе говоря, «позаимствовал у того манеру передразнивать, чтобы посмеяться над детьми».

– Я знаю, знаю, сиротка, ты меня слышала. Ты же стоишь рядом со мной. Так, займите места, все трое, и бегом, как только я подам сигнал.

– Но ведь Солнышко еще совсем маленькая! – запротестовал Клаус. – Она не умеет бегать, во всяком случае квалифицированно.

– Значит, пусть ползет как можно быстрее, – ответил Чингиз. – Так, на старт, внимание, *мари!*

Чингиз поднес к губам свисток, свистнул, и бодлеровские сироты побежали, стараясь держаться рядом, хотя длина ног у них была разная. Они проделали один круг, потом второй, и еще один, и еще, а потом еще пять и еще один, а потом семь и еще один, и три, и два, и еще один, и еще один, и еще шесть, а дальше они сбились со счета.

Учитель Чингиз продолжал дуть в свисток, а иногда выкрикивал что-то скучное и бесполезное: «Дальше!» или «Еще круг!». Дети глядели под ноги, чтобы не отклониться от светящейся линии, взглядывали на Чингиза, который то становился неясной фигурой, а то, когда они заканчивали круг, опять делался отчетливым, и они вглядывались в темноту – не мелькнули ли где Квегмайры.

А время от времени Бодлеры поглядывали друг на друга. Но все это молча, даже когда удалялись от Чингиза и он не мог их подслушать. Одной из причин молчания была необходимость экономить энергию. Хотя они и находились в неплохой физической форме, им все-таки никогда в жизни не приходилось столько бегать, они довольно скоро запыхались, и уже было не до разговоров. А другой причиной являлось то, что Вайолет уже высказалась за всех, задав вопрос второго типа: «Что-о-о?!» Учитель Чингиз продолжал дуть в свисток, дети продолжали бегать и бегать по кругу, и в голове у них крутился тот, второй, более сложный вопрос. Они расслышали приказ учителя Чингиза, но никак не могли поверить, чтобы его злодейские планы ограничивались Особыми Сиротскими Пробежками Аллюром. Бодлеровские сироты бегали по светящемуся кругу, пока первые лучи восходящего солнца не начали отражаться в драгоценном камне на тюбике Чингиза, а в голове у них звучало только одно: «*Что? Что? Что?*»

Глава восьмая

– Что-о-о? – переспросила Айседора.

– Я сказал: «Наконец, когда встало солнце, Учитель Чингиз разрешил нам прекратить пробежки и отпустил спать», – повторил Клаус.

– Сестра не то что не расслышала твоих слов, – объяснил Дункан, – она слышала, но не поверила своим ушам. По правде говоря, я тоже с трудом этому верю, хотя все видел своими глазами.

– Я и сама не могу верить. – Вайолет поморщилась, беря в рот лист салата, полученный в качестве ланча от кухонных работников в масках.

Дело происходило на следующий день. Трое бодлеровских сирот беспрерывно морщились, иначе говоря, «хмурились от боли, страха и страданий». Когда учитель Чингиз назвал их ночные занятия ОСПА, он просто использовал начальные буквы слов Особые Сиротские Пробежки Аллюром, но дети сочли это сокращение как нельзя более уместным. Ведь оспа – болезнь, а после целой ночи пробежек они весь день чувствовали себя больными. От ночной беготни у них сильно болели ноги. От усталости им даже не хватило сил надеть шумные башмаки, когда они наконец добрались до Сиротской лачуги и легли спать. Вот поэтому пальцы на ногах детей пострадали от клешней маленьких крабов, отстаивающих свою территорию. Голова раскалывалась, что естественно, когда не выспишься. Кроме того, сироты всю ночь мучились, пытаясь догадаться, зачем учитель Чингиз заставил их делать эти пробежки. У Бодлеров болели ноги, болели пальцы на ногах, болели головы, и неудивительно, если бы у них вскоре заболели мышцы лица вокруг глаз – ведь они весь день морщились.

Пятеро детей сидели за столом во время перерыва на ланч, и Бодлеры пытались обсудить с тройняшками Квегмайр прошедшую ночь. У тех ничего не болело, и они не так устали, как Бодлеры. Причина состояла, во-первых, в том, что Квегмайры прятались за аркой и только подглядывали за Чингизом и Бодлерами, а не бегали круг за кругом вдоль светящейся линии. Во-вторых, Квегмайры занимались подглядыванием поочередно. После того как Бодлеры пробежали первые несколько кругов и явно не думали останавливаться, тройняшки решили чередоваться: Дункан спит, Айседора подглядывает, потом подглядывает Дункан, а спит Айседора. Они договорились: если подглядывающий заметит что-то подозрительное, он разбудит спящего.

– Я дежурил последним, – объяснил Дункан, – поэтому сестра не видела окончания ОСПА. Но это не имело значения. Ведь учитель Чингиз просто велел вам прекратить пробежки и отправил спать. Я думал, он не отпустит вас, пока не заставит отдать ему наследство.

– А я думала, что светящийся круг послужит взлетно-посадочной полосой для вертолета, – добавила Айседора, – а управлять им будет кто-то из помощников. Вертолет упадет камнем вниз и унесет вас. Единственное, чего я не могла понять, – это зачем нужно столько бегать до появления вертолета.

– Но вертолет не появился, – заметил Клаус и, глотнув воды, сморщился. – Ничего не произошло.

– Может, пилот заблудился, – предположила Айседора.

– Или учитель Чингиз устал, как и вы, и забыл потребовать наследство, – высказал предположение Дункан.

Вайолет покачала головой.

– Никакая усталость не помешает ему отобрать наше наследство, – сказала она. – Нет, он что-то затевает, это ясно, но что – никак не могу разгадать.

– Конечно не можешь, – сказал Дункан. – Ты очень устала. Хорошо, что мы с Айседорой придумали дежурить поочередно. И теперь мы все наше свободное время посвятим расследованию. Просмотрим наши записи, пороемся в библиотеке. Должно же найтись что-то, что поможет нам догадаться.

– Я тоже займусь поисками. – Клаус зевнул во весь рот. – Я это хорошо умею.

– Я знаю. – Айседора улыбнулась. – Но не сегодня, Клаус. Мы поработаем над раскрытием планов Чингиза, а вы немного поспите. Вы такие усталые, что сегодня от вас совсем не будет пользы – ни в библиотеке, ни где-то еще.

Вайолет с Клаусом взглянули друг на друга, затем на маленькую сестру и поняли, что Квегмайры правы. Вайолет устала настолько, что записала самую малость из невыносимо скучных историй мистера Реморы. Клаус устал настолько, что неправильно измерил почти все предметы, принесенные миссис Басс. Солнышко не сообщила, что делала этим утром в офисе Ниро, но она едва ли проявила себя очень усердным секретарем, во всяком случае в столовой заснула прямо за столом, щекой в тарелке, как будто это была мягкая подушка, а не листья зеленого салата и ломтики помидора в густом сливочно-горчичном соусе с маленькими гренками, которые делают это блюдо особенно хрустящим.

Вайолет тихонько приподняла голову сестры и стряхнула с ее волос несколько гренков. Солнышко сморщилась, издала слабый стонущий вздох и заснула снова, как только Вайолет взяла ее к себе на колени.

– Наверное, ты права, Айседора, – согласилась Вайолет. – Мы как-нибудь уж дотянем вторую половину дня, а зато поспим как следует ночью. Если нам повезет, может, завуч Ниро будет сегодня играть что-нибудь тихое, тогда мы и на концерте подремлем.

Видите сами: последняя фраза свидетельствует, насколько устала Вайолет. Выражение «если нам повезет» и она, и ее младшие брат с сестрой употребляли не очень часто. И причина, конечно, ясна: бодлеровские сироты не были везучими. Сообразительные – да. Обаятельные – да. Способные вынести суровые испытания – да. Но – невезучие, и поэтому фраза «если нам повезет» звучала в их устах так же нелепо, как фраза «если мы станем стеблями сельдерея», потому что обе фразы им не подходят. Будь бодлеровские сироты стеблями сельдерея, они не попали бы в беду, а если бы они были везучие, около них не возникла бы в этот именно момент Кармелита Спатс с новым неприятным сообщением.

– Привет, кексолизы, – сказала она. – Хотя поглядеть на вашу девчонку, так вам больше подойдет «сливколизы». У меня к вам новое поручение от учителя Чингиза. Я теперь его личный посланец, потому что я самая умная, самая хорошенькая и приятная девочка во всей школе.

– Если б ты была самая приятная, ты не насмеялась бы над спящим ребенком. Ладно. Какое поручение?

– Да в общем, такое же, как в прошлый раз, могу повторить, если вы по глупости не запомнили. Трое бодлеровских сирот обязаны явиться вечером сразу после обеда на лужайку.

– Что? – переспросил Клаус.

– Ты глухой? Мало того что кексолиз? – осведомилась Кармелита. – Я сказала...

– Да Клаус слышал тебя, слышал, – перебила ее Айседора. – Он не потому сказал «что?». Хорошо, мы приняли сообщение, Кармелита. А теперь, будь добра, уходи.

– Вы мне уже два раза на чай должны, – огрызнулась Кармелита, но все-таки убежала.

– Не могу поверить, – проговорила Вайолет. – Какие могут быть еще пробежки! У меня ноги еле ходят, куда тут бегать!

– Кармелита ничего не сказала о пробежках, – заметил Дункан. – Может, учитель Чингиз именно сегодня собирается привести свой план в исполнение? В любом случае мы опять выскользнем из зала и будем следить.

– Поочередно, – добавила Айседора, кивая в знак согласия. – Я уверена, к вечеру картина происходящего уже станет ясна. У нас для расследования вся вторая половина дня. – Айседора помедлила, а потом раскрыла свою черную записную книжку на нужной странице и прочла:

Спокойно, друзья, отдыхайте смело —
Тройняшки Квегмайр взялись за дело.

– Спасибо. – Клаус устало улыбнулся Айседоре. – Я и сестры очень благодарны вам за помощь. Мы тоже попробуем поразмыслить над проблемой, хотя на расследование у нас сейчас не хватает сил. Если нам повезет, мы, работая все сообща, победим учителя Чингиза.

Вот, опять эта фраза «если нам повезет» из уст Бодлера, и опять она кажется столь же уместной, как «будь мы стеблями сельдерея». Разница лишь в том, что бодлеровские сироты не желали быть стеблями сельдерея. Правда и то, что, будь они стеблями сельдерея, они не стали бы сиротами, поскольку сельдерей – растение, а значит, о родителях тут говорить как-то неуместно, да и Вайолет, Клаусу и Солнышку вовсе не хотелось быть волокнистым низкокалорийным овощем. Конечно, неприятности могут приключаться с сельдереем с такой же легкостью, что и с детьми. Стебель сельдерея можно нарезать кусочками и обмакивать в соус из моллюсков на какой-нибудь модной вечеринке. Его могут намазать арахисовой пастой и подать в качестве закуски. Сельдерей может просто сидеть себе в поле и гнить, если посадившие его фермеры лентяи или уехали в отпуск. Все эти неприятные вещи вполне могут приключиться с сельдереем, и сироты об этом знали, и если бы вы спросили Бодлеров, хотят ли они быть стеблями сельдерея, они бы, разумеется, ответили «нет». Им просто хотелось, чтобы им повезло. И необязательно повезло как-то особенно, например как счастливцу, нашедшему карту с обозначением, где спрятан клад, или как выигравшему на состязании пожизненный запас мороженого, или как тому, кому посчастливилось (увы, не мне) жениться на моей обожаемой Беатрис и прожить с ней беспечно оставшийся ей недолгий отрезок времени. Нет, Бодлерам хотелось обыкновенной удачи. Хотелось, чтобы им удалось додуматься, как избежать когтей учителя Чингиза. А спасти их, похоже, могла только удача. Вайолет слишком устала, чтобы изобретать, Клаус слишком устал, чтобы читать, а Солнышко, все еще спящая на коленях у Вайолет, слишком устала, чтобы кусать что-либо или кого-либо. И даже несмотря на прилежание Квегмайров, что означает здесь «их способность усердно делать полезные записи в темно-зеленой и черной как смоль книжке», бодлеровским сиротам требовалось большое везение, чтобы остаться в живых. Трое Бодлеров тесно прижались друг к другу, как будто в столовой стоял отчаянный мороз, и морщились от боли и тревоги. Им казалось, что никогда еще они не испытывали такого сильного желания, чтобы им повезло.

Глава девятая

Порой происходящие в чьей-то жизни события становятся внятнее, когда смотришь на них сквозь призму жизненного опыта, а проще говоря, все становится яснее с течением времени. Например, только родившийся младенец не имеет представления о шторах, и первые месяцы уходят у него главным образом на то, чтобы понять, зачем мамочка и папочка повесили на окна в детской большие куски материи. Но с возрастом, сквозь призму жизненного опыта смысл занавесей проясняется, младенец постигает слово «занавески» и замечает, что с их помощью удобно затемнять комнату, когда наступает время спать, а также украсить скучное пространство окна. Со временем он полностью принимает идею занавесей и даже сам покупает шторы или жалюзи, и все это благодаря призме жизненного опыта.

Однако чингизовская программа ОСПА ничуть не становилась яснее сквозь призму жизненного опыта Бодлеров. Если на то пошло, понять ее делалось все труднее и труднее, поскольку Вайолет, Клаус и Солнышко все больше выбивались из сил по мере того, как шли дни, а особенно ночи. Получив второе послание Чингиза через Кармелиту Спатс, они провели остальную часть дня, теряясь в догадках – что заставит их делать учитель Чингиз на этот раз. Тройняшки Квегмайр терялись в догадках вместе с ними, и поэтому все они удивились – Бодлеры, которые снова встретились с Чингизом после обеда на лужайке, и Квегмайры, которые опять выкрались из зала и подглядывали поочередно, прячась за аркой, – когда Чингиз дунул в свисток и приказал бодлеровским сиротам бежать. Все пятеро детей полагали, что Чингиз наверняка изобрел что-то гораздо более страшное, чем пробежки.

Но если ничего зловещего в этом втором туре и не оказалось, то Вайолет, Клаусу и Солнышку это было все равно – настолько они выдохлись. Они едва слышали пронзительные свистки Чингиза и возгласы: «Продолжайте! Еще один круг!» – из-за собственного тяжелого дыхания, когда они шумно хватали воздух ртом. Они так вспотели, что отдали бы, казалось, все бодлеровское состояние за возможность принять как следует душ. А ноги у них ныли так, что они припомнить не могли, даже сквозь призму жизненного опыта, как бывает, когда ноги не болят от бедра до кончиков пальцев.

Бодлеры делали круг за кругом, почти не отрывая глаз от фосфоресцирующей линии, по-прежнему ярко светившейся на темной лужайке, и, пожалуй, это было самое тяжелое. Когда вечер перешел в ночь, Бодлеры видели уже только этот ярко светящийся круг, который отпечатался в их глазах так прочно, что никуда не исчезал, даже когда они с отчаянием всматрива-

лись в окружающую темноту. Если когда-нибудь вас фотографировали со вспышкой и яркое пятно света еще несколько мгновений стояло у вас перед глазами, вы поймете, что ощущали Бодлеры. С той только разницей, что светящийся круг настолько основательно запечатлелся у них в мозгу, что сделался зримым символом. Слово «символ» здесь означает, что светящийся круг перестал быть просто беговой дорожкой и превратился в нуль. Фосфоресцирующий нуль впечатался в их сознание и стал для них символом, иначе говоря, воплощением создавшейся ситуации. Их знания о том, что затеял Чингиз, были равны нулю. Их знания о том, зачем они бегают круг за кругом, тоже были равны нулю. И у них оставался нуль энергии, чтобы об этом размышлять.

Наконец показали первые лучи солнца, и учитель Чингиз отпустил сиротскую команду бегунов. Бодлеры, спотыкаясь, ничего не видя перед собой, побрели в Сиротскую лачугу. Они до того устали, что даже не заметили, когда Дункан или Айседора улизнули из-под арки в общежитие после конца подглядывания. Трое Бодлеров опять слишком устали и не переобулись в шумные башмаки, поэтому пальцы на ногах у них болели вдвойне, когда они проснулись всего через каких-то два часа, чтобы провести еще один день как в тумане. Но то был – и я с содроганием говорю вам об этом – не последний такой день, который Бодлеры провели как в тумане. Мерзкая Кармелита Спатс доставила им во время ланча новое, ставшее уже привычным послание. Они и так все утро продремали на уроках и за секретарскими обязанностями и, получив приказ, уронили головы на стол, потому что пришли в отчаяние при мысли об еще одной ночи пробежек. Квегмайры пытались их утешить, обещая удвоить свои изыскательские усилия, но Вайолет, Клаус и Солнышко утомились так, что не могли разговаривать даже со своими ближайшими друзьями. К счастью, ближайшие друзья все прекрасно поняли и не сочли молчание Бодлеров невежливым или обескураживающим.

Невозможно, кажется, поверить, что Бодлерам удалось пережить еще один вечер ОСПА, но в периоды крайнего напряжения у человека обнаруживается скрытая энергия, таящаяся в самых изможденных уголках его тела. Я сам понял это, когда меня посреди ночи разбудила и со злобными собаками гнала шестнадцать миль разъяренная толпа, вооруженная факелами и мечами. Бодлеровские сироты обнаружили это свойство, совершая пробежки, и не только этой ночью, но еще шесть ночей подряд. Это составило внушительную сумму в девять туров ОСПА, хотя слово «внушительный» совсем не подходит для определения бесконечных ночей, заполненных одышкой, потом и ноющими ногами. Девять ночей Бодлеров терзал символический фосфоресцирующий нуль, он светился в их мозгу, точно гигантская баранка, – знак полного отчаяния.

И все то время, пока страдали бодлеровские сироты, страдали их школьные занятия. Как вы, несомненно, знаете сами, стоит как следует выспаться ночью – и вы с блеском проявляете себя на уроках. Поэтому учащимся рекомендуется хорошенько выспаться, если только вы не дошли до самого интересного места в книге, которую читаете, ну тогда читайте себе всю ночь, а школьные уроки можно и побоку, иначе говоря, ими можно пренебречь.

В последние дни Бодлеры чувствовали себя гораздо более усталыми, чем те, кто читает ночь напролет, поэтому они не просто пренебрегали школьными уроками, они их полностью забросили. И для каждого из них это слово имело разное значение. Для Вайолет это значило, что она была сонная и не записывала ни одного слова из рассказов мистера Реморы. Для Клауса значило, что от усталости он не мог измерить ни одного предмета, принесенного миссис Басс. А для Солнышка значило, что утомление мешало ей вообще делать что-либо из порученного завучем Ниро. Вообще-то, бодлеровские сироты считали, что хорошо учиться в школе крайне важно, даже если школой заведует глупец и тиран, но они просто не в состоянии были выполнять школьные задания из-за ночных пробежек. Очень скоро светящийся круг стал не единственным нулем, который они видели. Вайолет видела нуль наверху пустой страницы, когда, сдавая тест, не могла вспомнить ни одного рассказа мистера Реморы. Клаус видел нуль в жур-

нале с оценками, когда миссис Басс требовала сообщить точную длину гольфа, а Клаус, вместо того чтобы его измерить, заснул. Солнышко же видела нуль, когда открывала ящик со скобками и обнаруживала, что они кончились.

– Это просто смешотворно, – проговорила Айседора, когда Солнышко поделилась этой новостью с сестрой и братом в начале очередного нудного ланча. – Взять тебя, Солнышко. Тебя вообще неуместно было назначать помощницей администратора и уж совсем нелепо заставлять делать по ночам пробежки ползком и самой изготавливать скобки.

– Не смей называть мою сестру нелепой и смешотворной! – крикнул Клаус.

– Я не ее назвала смешотворной, – запротестовала Айседора, – я говорила обо всей *ситуации*!

– «Смешотворный» значит, что ты смеешься над нами. – Даже усталость не могла помешать Клаусу предаваться любимому занятию – толковать слова. – Я не желаю, чтобы ты над нами смеялась.

– Я не смеюсь над вами, – обиделась Айседора, – я пытаюсь помочь.

Клаус схватил свой стакан, стоявший на Айседориной стороне стола:

– Смеяться над нами – это не помощь, кексолизка ты, и больше ничего.

Айседора выхватила у Клауса из руки свою серебряную вилку:

– А обзывать тоже не поможет, Клаус.

– Мамдам! – выкрикнула Солнышко.

– Ох, перестаньте вы оба, – остановил их Дункан. – Айседора, разве ты не видишь – Клаус просто устал. А ты, Клаус, разве не понимаешь, что Айседора просто расстроена?

Клаус снял очки и протянул Айседоре свой стакан.

– Я так умаялся, что ничего уже не соображаю, – сказал он. – Извини, Айседора, это я от усталости такой сварливый. Еще несколько дней, и я стану противным, как Кармелита Спатс.

Айседора протянула вилку Клаусу и похлопала его по руке в знак прощения:

– Тебе никогда не стать таким же противным.

– Кармелита Спатс? – Вайолет подняла голову с подноса. Пока Айседора с Клаусом ссорились, она спала, но, услышав имя личного посланца учителя Чингиза, проснулась. – Она как будто не идет сообщать нам о новом приказе насчет пробежек.

– Боюсь, что идет, – произнес Дункан сокрушенно, что в данном случае означает «кивая на приближавшуюся грубую, агрессивную, грязную девчонку».

– Привет, кексолизы, – окликнула их Кармелита Спатс. – Сегодня у меня для вас два поручения, так что мне полагается дать два на-чая вместо одного.

– Брось, Кармелита, – отозвался Клаус. – Ты уже девять дней не получаешь на чай, не вижу смысла нарушать традицию.

– Не видишь потому, что тупица, – быстро отреагировала Кармелита Спатс. – Послание номер один обычное: встретиться с учителем Чингизом сразу после обеда на лужайке.

Вайолет в изнеможении застонала:

– А второе?

– А второе такое: вы должны немедленно явиться в офис завуча Ниро.

– В офис завуча Ниро? – переспросил Клаус. – Зачем?

– Сожалею, – откликнулась Кармелита с гадкой усмешкой, говорившей, что она ни капли не сожалеет, – но я не отвечаю на вопросы кексолизмов, не дающих на чай.

Несколько детей за соседним столом засмеялись, услышав ее слова, и принялись колотить серебряными ложками и вилками по столу.

– Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги! Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги! Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги! – распевали они.

Кармелита Спатс захихикала и убежала доедать ланч.

– Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги! Сироты-кексолизы из Сиротской лачуги! – продолжали кричать нараспев сидевшие за соседним столом. Бодлеры вздохнули и поднялись на свои ноющие ноги.

– Пожалуй, лучше пойти к Ниро, – сказала Вайолет. – Увидимся с вами позже.

– Чепуха, – отозвался Дункан. – Мы вас проводим. Кармелита Спатс отбила у меня охоту есть. Пропустим ланч и дойдем с вами до административного здания. Внутрь заходить не станем, а то у нас на пятерых не будет ни одной вилки и ложки. Мы подождем снаружи, и вы нам сразу расскажете, в чем дело.

– Интересно, чего от нас хочет Ниро. – Клаус широко зевнул.

– Может, он уже сам обнаружил, что Чингиз в действительности Олаф? – предположила Айседора, и Бодлеры улыбнулись ей. Они и надеяться не смели, что именно в этом причина вызова в офис, но они высоко оценили оптимизм своих друзей.

Все пятеро отдали подносы с остатками еды работникам столовой, которые приняли их молча – только глаза блеснули в щелях металлических масок. После чего направились к административному зданию. Тройняшки Квегмайр пожелали Бодлерам удачи, и те начали с трудом взбираться по лестнице.

– Благодарю вас за то, что выкроили для меня время в вашем загруженном сиротском расписании. – С этими словами завуч Ниро распахнул дверь еще до того, как они постучали. – Поторопитесь, заходите скорей. Каждую минуту, потраченную на разговоры с вами, я мог бы потратить на занятия скрипкой. Когда речь идет о музыкальном таланте, таком, как я, каждая минута дорога.

Трое сирот вошли в тесную комнатку и устало захлопали в ладоши, а Ниро поднял кверху обе руки.

– Я хотел поговорить с вами о двух вещах, – произнес он, когда аплодисменты стихли. – Догадываетесь о каких?

– Нет, сэр, – ответила Вайолет.

– *Нет, сэр*, – передразнил Ниро. Он был явно разочарован тем, что не удалось получить более развернутый ответ, чтобы вдоволь понасмехаться. – Во-первых, вы все трое пропустили девять моих концертов и теперь каждый должен мне по кульку карамелей за каждый концерт. Девять кульков умножить на три составит двадцать девять. Кстати, Кармелита Спатс пожаловалась мне, что доставила вам десять посланий, включая сегодняшние два, а вы ни разу не дали ей на чай. Позор. Я считаю, что неплохие чаевые – парочка сережек с драгоценными камешками. Таким образом, вы ей должны десять пар сережек. Что вы на это скажете?

Бодлеровские сироты обменялись сонным-сонным взглядом. Им нечего было на это сказать, хотя думали они по этому поводу много чего: что пропускали они концерты Ниро только потому, что учитель Чингиз вынуждал их так поступать; что девять кульков карамелей, помноженные на три, будет двадцать семь, а не двадцать девять и что чаевые – вещь необязательная, и притом дают их деньгами, а не сережками. Но Вайолет, Клаус и Солнышко слишком устали, чтобы высказываться на эти темы. И это явилось еще одним разочарованием для завуча Ниро, который, поглаживая свои косички, ждал, чтобы кто-то из детей сказал что-нибудь и он мог повторить это своим противным издевательским тоном. После минутного молчания завуч перешел ко второму вопросу.

– Кроме того, – продолжал он, – вы трое стали худшими из учеников, с какими имела дело Пруфрокская подготовительная школа. Вайолет, мистер Ремора жаловался, что ты пренебрегла тестом. Клаус, миссис Басс жаловалась, что ты не отличаешь одного конца линейки от другого. А ты, Солнышко, как я заметил, не сделала пока ни одной скобки! Мистер По говорил мне, что вы умные и трудолюбивые дети, но вы оказались компанией кексолизом!

Тут Бодлеры не могли больше сдерживаться.

– Мы пренебрегаем уроками, потому что у нас нет сил! – закричала Вайолет.

– А сил нет потому, что мы каждую ночь делаем пробежки! – закричал Клаус.

– Галука! – выкрикнула Солнышко, желая сказать: «Так что ругайте учителя Чингиза, а не нас!»

Завуч Ниро осклабился, довольный тем, что наконец может ответить в своей излюбленной манере.

– *Мы пренебрегаем уроками, потому что у нас нет сил!* – пропищал он. – *А сил нет потому, что мы каждую ночь делаем пробежки!* Галука! Хватит, мне надоело слушать ерунду! Пруфрокская подготовительная школа обязалась дать вам превосходное образование, и вы его получите! А Солнышко получила превосходную работу помощника администратора. Я поручил мистеру Реморе и миссис Басс устроить вам завтра общеобразовательные экзамены – обширные тесты абсолютно по всему, чему вас здесь за это время обучали. Вайолет, советую тебе вспомнить все подробности рассказов мистера Реморы. Клаус, тебе советую вспомнить длину, ширину и высоту всех предметов, принесенных миссис Басс, иначе я исключу вас из школы. Кроме того, я нашел стопку бумаг, которые завтра надо скрепить. Солнышко, ты пробьешь их скобками, которые сделаешь вручную, или я тебя уволю. Первым делом завтра утром вам предстоят экзамены и скрепление бумаг. И если вы двое не заработаете «отлично», а Солнышко не изготовит достаточное количество скобок, вы покинете Пруфрокскую школу. На ваше счастье, учитель Чингиз готов вам дать домашнее образование. Это означает, что он будет вашим тренером, учителем и опекуном одновременно. Предложение очень великодушное, и на вашем месте я бы сделал подарок и ему тоже. Правда, в его случае сережки, на мой взгляд, неуместны.

– Мы не собираемся ничего дарить Графу Олафу! – вырвалось у Вайолет.

Клаус со страхом посмотрел на сестру.

– Вайолет хотела сказать «учителю Чингизу», – поторопился исправить дело Клаус.

– Нет, *не хотела!* – закричала Вайолет. – Клаус, наше положение настолько безнадежно, что невозможно дольше притворяться, будто мы его не узнали!

– Хифиджу! – подтвердила Солнышко.

– Да, ты, наверное, права, – согласился Клаус. – Что нам терять?

– *Что нам терять?* – передразнил Ниро. – О чем вы говорите?

– Мы говорим об учителе Чингизе, – ответила Вайолет. – На самом деле его зовут не Чингиз. И он даже не учитель гимнастики. Он – замаскированный Граф Олаф.

– Чепуха! – воскликнул Ниро.

Клаусу очень хотелось повторить «Чепуха!» точно таким же противным тоном, как Ниро, но он прикусил язык.

– Нет, это правда, – сказал Клаус. – Он надвинул тюрбан на свою единственную бровь и прикрыл татуировку высокими кроссовками, но он все тот же Граф Олаф.

– Тюрбан он носит по религиозным причинам, – возразил Ниро, – а кроссовки – потому что он тренер. Посмотрите-ка. – Он шагнул к компьютеру и нажал кнопку. Экран опять засветился зеленоватым цветом, точно страдал морской болезнью, и снова показал изображение Графа Олафа.

– Видите? Учитель Чингиз не имеет ничего общего с Графом Олафом, и моя усовершенствованная компьютерная система это доказывает.

– Ушило! – крикнула Солнышко, желая сказать: «Это ничего не доказывает!»

– *Ушило!* – передразнил Ниро. – Кому я должен верить? Усовершенствованной компьютерной системе или двум детям, пренебрегающим школой, и маленькой девчонке, которая так глупа, что не способна изготовить скобки для скрепления бумаг? Все, хватит тратить мое время попусту! Завтра я лично буду присутствовать на общеобразовательном экзамене, и происходить он будет в Сиротской лачуге! Советую вам показать отличный результат, иначе поездка за счет учителя Чингиза вам обеспечена. Сайонара, Бодлеры!

«Сайонара» по-японски значит «до свидания», и я уверен, все и каждый из миллионов жителей Японии сочли бы себя опозоренными, если бы слышали родное слово произнесенным столь отталкивающей личностью. Но бодлеровским сиротам некогда было предаваться международным размышлениям. Они пересказывали Квегмайрам последние новости.

– Какой ужас! – воскликнул Дункан. Все пятеро брели по лужайке и свободно могли обсуждать происходящее, не боясь быть услышанными. – Вам ни за что не получить «отлично» на экзаменах, тем более если бегать по ночам!

– Какой кошмар! – воскликнула Айседора. – И скобок вам тоже не сделать! Не успеете оглянуться, как вас заберут для домашнего обучения!

– Учитель Чингиз не собирается обучать нас дома, – сказала Вайолет, глядя вперед, где на лужайке их ждал фосфоресцирующий нуль. – Он учинит что-нибудь гораздо, гораздо более ужасное. Вы понимаете теперь? Для этого он и заставлял нас все ночи бегать! Он *знал*, что мы выбьемся из сил. *Знал*, что будем пренебрегать уроками и не сможем выполнять секретарские обязанности. Он *знал*, что нас исключат из Пруфрокской подготовительной и тогда мы попадем к нему в руки.

Клаус застонал:

– Мы всё ждали, когда откроется его план, и вот план раскрыт. Но, возможно, уже поздно.

– Нет, не поздно, – твердо сказала Вайолет. – Общеобразовательные экзамены состоятся не раньше завтрашнего утра. К тому времени мы должны выработать свой план.

– План! – повторила Солнышко.

– План будет непростой, – сказал Дункан. – Надо подготовить Вайолет к тесту мистера Реморы, а Клауса – к тесту миссис Басс.

– И надо изготовить скобки, – дополнила Айседора. – Но при этом Бодлерам еще предстоит пробежки.

– И бессонная ночь, – добавил Клаус.

Бодлеры посмотрели друг на друга, а потом на лужайку. Солнце стояло еще высоко, но дети знали, что скоро оно зайдет за дома-надгробия и наступит черед для ОСПА. Времени у них оставалось немного. Вайолет подвязала волосы лентой, чтобы не лезли в глаза. Клаус протер очки и снова надел их на нос. Солнышко поскрипела зубами, желая убедиться, что они достаточно остры для любой предстоящей работы. А двое тройняшек достали из карманов записные книжки. Злодейский план учителя Чингиза стал виден сквозь призму опыта Бодлеров и Квегмайров, и теперь им предстояло употребить свой опыт на то, чтобы выработать собственный план.

Глава десятая

Трое Бодлеров и двое Квегмайров сидели в Сиротской лачуге, которая еще никогда не выглядела менее непривлекательной. Все пятеро надели изобретенные Вайолет шумные башмаки, поэтому отстаивающих территорию крабов было не видеть. Соль высушила капающую светло-коричневую плесень, превратив ее в твердую бежевую корку. Вид у корки был не слишком приятный, но, по крайней мере, детям не приходилось то и дело увертываться от плюхающей жидкости. Поскольку с появлением учителя Чингиза им пришлось сосредоточить свою энергию на борьбе с его коварством, пятеро сирот так ничего и не предприняли по поводу зеленых стен с розовыми сердечками. Но в остальном у Сиротской лачуги с заселением в нее Бодлеров несколько поубавилось слоновьего и прибавилось мышинового. До того, чтобы превратиться в уютное жилье, ей было еще далеко, но как место для разрабатывания в критическую минуту плана она вполне годилась.

А для Бодлеров критическая минута, несомненно, настала. Если они проведут еще одну изнурительную ночь, бегая по кругу, они не справятся с общеобразовательными экзаменами и секретарской работой, тогда учитель Чингиз увезет их из Пруфрокской подготовительной школы неизвестно куда, и при мысли об этом они буквально ощущали, как костлявые пальцы Чингиза выдавливают из них жизнь. Квегмайры так волновались за своих друзей, что тоже ощущали себя как в тисках, хотя им прямая опасность не угрожала – так они, во всяком случае, думали.

– Не могу понять, как мы не сумели разгадать план Чингиза раньше, – мрачно проговорила Айседора, перелистывая записную книжку. – Мы с Дунканом провели такое тщательное расследование и все-таки не сообразили, в чем дело.

– Не расстраивайся, – ободрил ее Клаус. – Мы с сестрами столько раз имели с ним дело, и всегда разгадать его умысел было очень трудно.

– Мы пытались выяснить биографию Графа Олафа, – добавил Дункан. – В Пруфрокской библиотеке накопилось большое количество старых газет. Нам пришло в голову, что, если мы узнаем про какие-то прежние его деяния, мы разгадаем и нынешний план.

– Неплохая идея, – задумчиво протянул Клаус. – Я о таком и не подумал.

– Мы исходили из того, что Олаф совершал злодеяния и до встречи с вами, – продолжал Дункан, – поэтому и взялись за старые газеты. Подходящих статей нашлось не так много, ведь он, как вы знаете, каждый раз действует под новым именем. И все же мы нашли одного человека, похожего по описанию на Олафа, в «Бангкокской газете», его арестовали за то, что он задушил епископа. Но он тут же бежал из тюрьмы.

– Очень похоже на него, – подтвердил Клаус.

– И еще в веронской «Дейли ньюз», – продолжал Дункан, – какой-то тип сбросил со скалы богатую вдову. На щиколотке у него был вытатуирован глаз. Ему, однако, удалось ускользнуть из рук полиции. Потом мы нашли газету вашего родного города, там говорилось...

– Мне не хотелось бы тебя прерывать, – вмешалась Айседора, – но, по-моему, пора перестать думать о прошлом и начать думать о настоящем. Перерыв на ланч подходит к концу, нам до зарезу нужен план действий.

– Ты не заснула? – спросил Клаус старшую сестру, которая давно молчала.

– Нет, что ты, – ответила Вайолет. – Просто я сосредоточенно размышляю. Кажется, я могу изобрести кое-что для изготовления скобок. Но не могу сообразить, как мне одновременно соорудить приспособление и готовиться к экзаменам. С тех пор как начались ОСПА, я не записала как следует ни одного рассказа мистера Реморы, так что не имею возможности их вспомнить.

– Ну, об этом не беспокойся. – Дункан поднял вверх свою темно-зеленую записную книжку. – Я записывал все его истории. Тут у меня сплошь скучные подробности.

– А я записывала длину, ширину и высоту всех предметов, которые приносила миссис Бас. – Айседора показала свою записную книжку. – Ты можешь учить по моей книжке, Клаус, а ты, Вайолет, – по Дункановой.

– Спасибо, – сказал Клаус, – но вы кое-что забываете. Мы вечером должны делать пробежки. Мы не сможем читать ваши записи.

– Таркур, – подтвердила Солнышко. Что означало: «Ты, конечно, прав. ОСПА всегда продолжаются до рассвета, а экзамены начнутся прямо с утра».

– Вот бы нам помог кто-нибудь из великих изобретателей, – сказала Вайолет. – Интересно, как поступил бы Никола Тесла.

– Или кто-то из великих журналистов, – подхватил Дункан. – Как бы вела себя Дороти Паркер в этой ситуации?

– Интересно, чем бы помог нам древний вавилонянин Хаммурапи? – продолжил Клаус. – Он был одним из величайших исследователей.

– Или великий поэт лорд Байрон, – сказала Айседора.

– Акула. – Солнышко с задумчивым видом постучала зубами.

– Кто знает, как все эти люди или рыбы поступили бы на нашем месте? – подытожила Вайолет.

Дункан прищелкнул пальцами, но не потому, что подзывал официанта, и не потому, что вспомнил любимый мотив, а потому, что в голову ему пришла мысль.

– На нашем месте! – сказал он. – Вот оно!

– Что – оно? – осведомился Клаус. – Чем тебе понравилось наше место?

– Нет-нет, – ответил Дункан, – не об этом речь. Когда Вайолет сказала «на нашем месте», у меня возникла идея. Я знаю, ты имела в виду «в нашем положении». Но что, если действительно кто-то другой займет ваше место? Что, если мы выдадим себя за вас? Тогда мы стали бы делать пробежки, а вы готовиться к общеобразовательным экзаменам.

– Выдадите себя за нас? – удивился Клаус. – Вы двое – копия друг дружки, но вы совсем не похожи ни на кого из нас.

– Ну и что? – не сдавался Дункан. – Ночью будет темно. Когда мы следили за вами из-за арки, то видели только две бегущие темные фигуры и одну ползущую.

– Это верно, – подтвердила Айседора. – Если я возьму у тебя, Вайолет, ленту, а Дункан возьмет у Клауса очки, то, спорим, учитель Чингиз издали не различит, кто это.

– Мы даже обменяемся обычными башмаками, так что звук шагов по траве будет такой же, – добавил Дункан.

– А как быть с Солнышком? – спросила Вайолет. – Двое никак не могут выдать себя за троих.

Лица у Квегмайров вытянулись.

– Если б только Куигли был здесь... – сказал Дункан. – Я точно знаю, он бы с радостью переделся малышкой, чтобы помочь вам.

– А что, если взять небольшой куль с мукой? – предложила Айседора. – Солнышко ведь не выше куля муки. Не обижайся, Солнышко.

– Денада. – Солнышко пожала плечами.

– Мы украдем муку в столовой, – сказала Айседора, – и будем таскать куль за собой, когда будем бегать по кругу. Издалека он, возможно, сойдет за Солнышко и не вызовет подозрений.

– Все-таки выдать себя за нас – чрезвычайно опасный план, – с сомнением произнесла Вайолет. – Если он провалится, то не только мы попадем в беду, но и вы тоже. Кто знает, что с вами тогда сделает учитель Чингиз?

Именно этот, как позднее выяснилось, вопрос будет неотступно преследовать Бодлеров в течение долгого времени. Но Квегмайры почти не обратили на ее слова внимания.

– Об этом не беспокойся, – заявил Дункан. – Главное – чтобы вы не попали ему в руки. План, может, и рискованный, но только это мы и смогли придумать – занять ваше место. – И придумывать что-то другое времени у нас не остается, – добавила Айседора. – Надо спешить, если мы хотим стянуть в столовой куль муки и не опоздать в класс.

– Нам еще понадобится веревка или что-то вроде, чтобы тащить за собой куль, как будто это ползет Солнышко, – добавил Дункан.

– Мне тоже надо кое-что раздобыть, – сказала Вайолет, – чтобы сделать приспособление для выделки скобок.

– Нидоп, – заключила Солнышко, что означало нечто вроде: «Тогда пошли».

Дети вышли из Сиротской лачуги, предварительно сняв шумные башмаки и надев обычные, и двинулись через лужайку к столовой. Они шли и нервничали – прежде всего потому, что не полагается тайно прокрадываться в столовую и похищать разные предметы, и еще потому, что их план в самом деле был очень рискованный. Нервничать – неприятное занятие, и я не пожелал бы никаким маленьким детям нервничать больше, чем нервничали Бодлеры и Квегмайры, когда шли в столовую. Однако, должен сказать, нервничали они недостаточно. И это относится не к тому, что им предстояло прокрасться в столовую, что делать запрещалось, и не к тому, что им предстояло стащить разные разности, тем более что их не поймали. Нет, им следовало нервничать гораздо больше из-за своего плана и из-за того, что случится ночью, когда сядет солнце, на бурой лужайке станет темно и засветится фосфоресцирующий круг. Сейчас, когда каждый был на своем месте, им следовало здорово нервничать из-за того, что случится, когда они поменяются местами.

Глава одиннадцатая

Если вы когда-нибудь наряжались на Хеллоуин или были на маскараде, вы знаете, что, надев маскарадный костюм, испытываешь какое-то особое волнение, смесь возбуждения и предчувствия опасности. Однажды я попал на один из знаменитых балов, которые устраивала герцогиня Виннипегская, и то был один из самых опасных и волнующих вечеров в моей жизни. В костюме тореадора я незаметно проскользнул во дворец и замешался в толпу гостей, между тем как за мной гнались дворцовые стражники, переодетые скорпионами. В тот момент, когда я вошел в бальный зал, я почувствовал, что Лемони Сникет перестал существовать. На мне была одежда, какой я никогда прежде не носил: алая шелковая треуголка, шитый золотом жилет и плотно прилегающая черная маска. Мне казалось, что это уже не я, а кто-то другой. И оттого

что я ощутил себя другим, я осмелился подойти к женщине, к которой мне запрещено было приближаться. Она стояла на веранде из полированного серого мрамора одна («веранда» – это такое модное слово вместо слова «балкон»), одетая в костюм стрекозы, в сверкающей зеленой маске, с огромными серебристыми крыльями. Пока мои преследователи сновали между гостями, стараясь опознать меня, я незаметно вышел на веранду и сообщил ей то, что безуспешно пытался передать последние пятнадцать долгих одиноких лет.

– Беатрис! – вскричал я в тот миг, когда скорпионы узнали меня. – Граф Олаф – это...

Не буду продолжать. Вспоминая тот вечер и последующие мрачные, беспросветные годы, я плачу. Да и вам наверняка хочется поскорее узнать, что происходило дальше с бодлеровскими сиротами и тройняшками Квегмайр вечером после обеда.

– Все-таки здорово интересно, – проговорил Дункан, надевая очки Клауса. – Я знаю, причины у нас серьезные, но все равно захватывает.

Айседора, завязывавшая на голове ленту Вайолет, продекламировала:

Быть может, все это не очень уместно,
Но ведь маскарад – это так интересно!

Стихи не безупречны, но в наших обстоятельствах сойдет. Ну и как мы вам?

Бодлеровские сироты отступили на шаг и внимательно оглядели Квегмайров. Только что закончился обед, все пятеро стояли перед входом в Сиротскую лачугу и поспешно приводили свой план в действие. Они ухитрились проникнуть в столовую и утащить из кухни куль муки размером с Солнышко, воспользовавшись моментом, когда кухонные работники в металлических масках стояли к ним спиной. Вайолет также стянула вилку, несколько чайных ложек протертого шпината и небольшую картофелину – все это ей требовалось для очередного изобретения. Оставалось всего несколько минут до того, как Бодлерам, вернее, Квегмайрам под видом Бодлеров надлежало явиться на лужайку. Дункан и Айседора отдали свои записные книжки Бодлерам, чтобы те могли готовиться к общеобразовательным экзаменам, и надели их обычные башмаки, чтобы шаги звучали, как у них. И теперь, когда оставались считанные секунды, Бодлеры осмотрели замаскированных Квегмайров. И тут же осознали, насколько опасен их план.

Айседора и Дункан были просто очень не похожи на Вайолет и Клауса. Глаза у Дункана не такого цвета, как у Клауса, волосы у Айседоры не такого цвета, как у Вайолет, хоть и завязаны так же. Будучи тройняшками, Квегмайры были одинакового роста, но Вайолет, как старшая, была выше Клауса. Жаль, сооружать маленькие ходули для Айседоры, чтобы увеличить ее рост, не оставалось времени. Но не эти мелкие физические детали делали маскарад таким неубедительным. Все дело в том, что Бодлеры и Квегмайры были совершенно разными людьми и лента, очки и башмаки не могли превратить их друг в друга, равно как женщина в костюме стрекозы не могла взлететь и тем избежать поджидающей ее гибели.

– Я знаю, мы не очень на вас похожи, – проговорил Дункан после того, как Бодлеры продолжали стоять, не произнося ни слова. – Но помните, на лужайке будет совсем темно. Свет исходит только от круга. Мы постараемся опускать голову пониже, чтобы лица нас не выдали. Мы не скажем ни слова учителю Чингизу, чтобы не выдали голоса. На нас ваши лента, очки и башмаки – они тоже не выдадут.

– Не обязательно осуществлять этот план, – тихо сказала Вайолет. – Мы ценим вашу помощь, но не обязательно одурачивать Чингиза. Мы могли бы просто взять и убежать, прямо сейчас. Мы стали такими хорошими бегунами, что успеем опередить учителя Чингиза.

– Можно позвонить мистеру По откуда-нибудь из автомата, – добавил Клаус.

– Зубу, – дополнила Солнышко, желая сказать: «Или поступим в другую школу под другими именами».

– Все ваши предложения никуда не годятся, – сказала Айседора. – Насколько мы знаем из ваших рассказов, от мистера По помощи мало. А Граф Олаф находит вас везде, куда бы вы ни поехали, так что другая школа не спасение.

– Да, наш план – единственная возможность, – заключил Дункан. – Если вы сдадите экзамены, не возбуждав подозрения у Чингиза, вы спасены, и тогда мы займемся разоблачением мнимого учителя гимнастики.

– Наверное, вы правы, – согласилась Вайолет. – Просто мне не нравится, что вы ради нас подвергнете свою жизнь большой опасности.

– Для чего же существуют друзья? – задала вопрос Айседора. – Мы не собираемся сидеть на дурацком концерте, пока вы там бегаете, обрекая себя на гибель. Вы трое оказались первыми, кто в Пруфрокской школе не дразнил нас за то, что мы сироты. Ни у нас, ни у вас нет родителей, так что мы должны держаться вместе.

– Давайте мы хотя бы проводим вас до лужайки, – предложил Клаус, – а потом последим из-за арки, чтобы понять, удалось ли вам обмануть Чингиза.

Дункан покачал головой:

– У вас нет времени на подглядывание. Вам надо делать скобки из металлических проволочек и готовиться к двум общеобразовательным экзаменам.

– Ох! – спохватилась вдруг Айседора. – А как мы потащим за собой куль с мукой? Нужна веревка или что-то вроде.

– Можно подпирать его ногой, – предложил Дункан.

– Нет-нет, – запротестовал Клаус. – Если учитель Чингиз увидит, как вы пинаете маленькую сестру, он заподозрит неладное.

– Знаю! – Вайолет протянула руку и пробежала пальцами по груди Дункана, по его толстому вязаному свитеру, и наконец нащупала то, что искала, – торчащую нитку. Вайолет потянула за нее, вытаскивая из свитера, пока у нее в руках не оказалась длинная нитка пряжи. Тогда Вайолет оторвала ее и обвязала одним концом куль с мукой. Другой конец она вручила Дункану.

– Это должно сработать, – сказала она. – Прости, что испортила тебе свитер.

– Ничего, ты наверняка сумеешь изобрести вязальную машину, когда мы все будем вне опасности, – отозвался Дункан. – Ну что ж, Айседора, нам пора. Учитель Чингиз будет ждать. Счастливого позаниматься.

Бодлеры смотрели на своих друзей во все глаза. Им вспомнился день, когда, помахав рукой своим родителям, они отправились на пляж. Тогда они, конечно, не знали, что находятся в их обществе последний раз, но впоследствии каждый из детей еще и еще возвращался мыслями к тому дню и жалел, что не сказал им на прощание какие-нибудь другие слова, кроме небрежного «пока». Вайолет, Клаус и Солнышко глядели на двух тройняшек и надеялись, что здесь этого не случится и люди, к которым они привязались, не исчезнут навсегда из их жизни. А что, если случится?

– Если мы больше не уви... – Вайолет замолкла, проглотила ком в горле и начала снова: – Если что-то пойдет не так...

Дункан взял Вайолет за обе руки и посмотрел ей прямо в лицо. Вайолет увидела за стеклами очков Клауса серьезный взгляд широко раскрытых глаз Дункана.

– Все пойдет как надо, – сказал он твердо, хотя, конечно, в эту минуту он ошибался. – Ничего не сорвется. Увидимся утром, Бодлеры.

Айседора с серьезным видом кивнула и последовала за братом и кулем муки. Бодлеровские сироты наблюдали, как они удаляются в сторону лужайки, до тех пор, пока они не превратились в два пятнышка плюс еще одно рядом.

– А знаете, – сказал Клаус, – издали, в неясном свете, они очень похожи на нас.

– Абакс, – подтвердила Солнышко.

– Хочу надеяться на это, – пробормотала Вайолет. – Очень хочу надеяться. А теперь перестаем думать про них и приступаем к нашей части разработанного плана. Надеваем шумные башмаки и идем в лачугу.

– Не представляю, каким образом ты собираешься изготовить скобки, – сказал Клаус, – из вилки, нескольких чайных ложек пюре из шпината и небольшой картофелины. Это больше похоже на ингредиенты для гарнира, а не на инструмент для выделяния скобок. Надеюсь, твои изобретательские способности не притупились от недосыпания.

– Думаю, что нет, – ответила Вайолет. – Поразительно, какая появляется энергия, когда в голове рождается план. И потом, мне необходимы не только утащенные предметы, но еще и краб из Сиротской лачуги и шумные башмаки. Так, надеваем башмаки, а дальше следуйте моим инструкциям.

Как ни были озадачены младшие Бодлеры, они привыкли полностью доверять старшей сестре, когда дело касалось изобретений. Не так давно она изобрела крюк, отмычку, сигнал бедствия, а сейчас во что бы то ни стало (здесь имеется в виду «с помощью вилки, нескольких чайных ложек пюре из шпината, небольшой картофелины, живого краба и шумных башмаков») она собиралась изобрести прибор для выделяния скобок.

Трое Бодлеров в своих шумных башмаках, следуя указанию Вайолет, вошли в лачугу. Как всегда, по полу шныряли маленькие крабы, пользуясь отсутствием хозяев и пугающего их шума. В большинстве случаев Бодлеры, войдя, сразу начинали дико топтать, и крабы ныряли под кипы сена и в другие укромные места. Но на этот раз Вайолет распорядилась, чтобы брат и сестра ступали осторожно, в строго определенном порядке, так, чтобы загнать самого сердитого краба с самыми большими клешнями в угол лачуги. Остальные крабы разбежались кто куда, но этот оказался в ловушке, и, как ни боялся шумных башмаков, деваться ему было некуда.

– Отлично сделано, – одобрила Вайолет. – Не выпускай его из угла, Солнышко, пока я чищу картофелину.

– А зачем она нужна? – поинтересовался Клаус.

– Как мы знаем, – начала объяснять Вайолет, между тем как Солнышко топала ножкой около краба то с одной, то с другой стороны, чтобы он не удрал, – крабам нравится запускать клешни в пальцы ног. Я специально утатила картофелину, которая имеет форму большого пальца. Видите, она изогнута в виде овала, а вот тут бугорчик, похожий на ноготь?

– Ты права, – сказал Клаус. – Сходство поразительное. Но какое это имеет отношение к скобкам?

– Ну как же. Металлические стерженьки, которые нам дал Ниро, слишком длинные, их надо нарезать на кусочки размером со скобку. Пока Солнышко удерживает краба в углу, я машу перед ним картофелиной, и он... или, может быть, она? По правде говоря, я не знаю, как отличить краба-мальчика от краба-девочки.

– Этот – мальчик, – сказал Клаус. – Поверь мне.

– Ну вот, он решит, что это большой палец, – продолжала Вайолет, – и щелкнет клешнями. А я в этот момент отдерну картофелину и подставлю проволоку. Если я это буду делать аккуратно, краб постепенно прекрасно нарежет всю проволоку.

– А потом? – спросил Клаус.

– Всему свое время, – твердо сказала Вайолет. – О'кей, Солнышко, продолжай стучать ногами. Картофелина у меня наготове, первый стержень тоже.

– А мне что делать? – осведомился Клаус.

– Ты, естественно, начинаешь готовиться к общеобразовательным экзаменам. Мне за одну ночь не прочесть все записи Дункана и Айседоры. Пока мы с Солнышком делаем скобки, ты изучаешь записи Дункана и Айседоры, запоминаешь измерения в классе миссис Басс и прочитываешь мне вслух все истории мистера Реморы.

– Будет сделано, – ответил Клаус. Он, как вы, наверное, понимаете, нарочно употребил военное выражение, чтобы показать, что понял распоряжение Вайолет и будет действовать соответственно. И в течение последующих двух часов именно этим он и занимался. Пока Солнышко топала ногами и удерживала краба в углу, пока Вайолет использовала картофелину вместо пальца ноги, а клешни большого краба как кусачки, Клаус использовал записные книжки Квегмайров для подготовки к общеобразовательным экзаменам, и все шло как по маслу. Солнышко топала так оглушительно, что краб боялся двинуться с места. Вайолет так ловко орудовала картофелиной и металлическими стерженьками, что скоро почти все они были раскромсаны на мелкие отрезки нужного размера. А Клаус, хотя ему и пришлось шуриться, поскольку в его очках бегал Дункан, читал измерительные записи Айседоры так внимательно, что скоро запомнил длину, ширину и высоту почти всего на свете.

– Вайолет, спроси меня размеры темно-синего шарфа, – попросил Клаус, прикрывая записную книжку, чтобы не подглядывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.